

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Переводческий факультет

Кафедра перевода английского языка

Д.В. Хороненко

Стратегии передачи библейских аллюзий, используемых
для достижения комического эффекта (на материале отрыв-
ка из романа Т. Пратчетта и Н. Геймана «Добрые предзна-
менования»)

Дипломная работа студента 506 (1-10-6) англ/дат. группы

Научный руководитель
кандидат филологических наук
профессор В.К. Ланчиков

Рецензент
Кандидат филологических наук
доцент Д.М. Бузаджи

Москва 2014

Оглавление:

Теоретическая часть:	
Введение.....	3
1. Проблема дефиниции понятия «аллюзия» в современной лингвистике.....	5
2. Особенности библейской аллюзии как стилистического приема.....	9
3. Общее описание библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта.....	14
4. Основные категории библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта.....	17
5. Стратегии передачи основных категорий библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта.....	25
Заключение.....	40
Библиография.....	42
Словари.....	45
Практическая часть.....	47
Приложение: текст оригинала.....	88

Теоретическая часть.

Введение

Цель данной работы – изучить общие закономерности передачи библейских аллюзий, используемых автором для достижения комического эффекта, и выработать стратегии, позволяющие переводчику свести смысловые и коннотативные потери к минимуму. Насколько нам известно, данная проблема не получила широкого освещения в отечественном переводоведении, и потому мы постараемся разработать классификацию подобных аллюзий и составить практические рекомендации по работе с каждой из обнаруженных нами категорий. Мы рассмотрим все выявленные в ходе нашего исследования разновидности отсылок на Библию, используемых для достижения комического эффекта в отрывке из романа Т. Пратчетта и Н. Геймана «Добрые предзнаменования», и подберем для каждой из них наиболее эффективные стратегии передачи, учитывающие их особенности.

Актуальность выбранной нами темы обусловлена тем фактом, что для западных текстов, будь то газетные статьи или художественная литература, в целом характерно использование аллюзий на Библию. В той или иной форме на Библию в своих произведениях ссылаются такие многие знаменитые западные писатели. Подобные аллюзии используются для самых разнообразных целей, одна из которых – создание комического эффекта за счет намеренного завышения регистра речи или же взаимодействия двух семантических полей; более подробно функции аллюзии в тексте, как и ее внутренний механизм как тропа, мы опишем в главах 2 и 3. В данной работе мы также продемонстрируем разные способы воспроизведения внутреннего механизма аллюзии текста-оригинала на переводящем языке (ПЯ), выделим несколько наиболее характерных моделей и для каждой из них подберем алгоритм действий, позволяющий свести стилистические и коннотативные потери к минимуму.

Материалом для нашего исследования была выбрана книга британских писателей Нила Геймана и Терри Пратчетта «Добрые предзнаменования». Сюжет этой книги основан на известном фильме ужасов “*The Omen*” («Омен») и «Откровении Иоанна Богослова»: в «Предзнаменованиях», как и в «Омене», в наш мир приходит Антихрист – но в романе он вместо семьи американского посла попадает в обычную английскую семью, что приводит к ряду комических событий и забавных сцен. Избрав темой для юмора апокалипсические учения, авторы нередко строят свои шутки на обыгрывании библейских аллюзий. Стоит отметить, что для творчества Пратчетта в целом характерно использование огромного количества аллюзий на элементы массовой культуры (присутствуют они и в «Добрых предзнаменованиях»), но в этой книге в силу особенностей развития сюжетной линии основным источником цитирования становится Библия. Именно это позволило нам провести наше исследование, основываясь на аллюзиях из «Добрых предзнаменований».

1. Проблема дефиниции понятия «аллюзия» в современной лингвистике

Рассматриваемая в данном исследовании проблема передачи библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта, тесно связана с актуальным для современной лингвистики понятием интертекстуальности. Термин «интертекстуальность» был предложен теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, в чьей концепции каждый текст рассматривался как составляющая сложного дискурса и культурного контекста. [8. С. 428-430] Теория интертекстуальности предполагает, что между всеми созданными в одной культуре текстами существуют многочисленные связи, и использование этих связей позволяет авторам передавать более тонкие оттенки значений или же создавать дополнительные пласты смысла.

Пожалуй, наиболее очевидным и простым способом задействования интертекстуальных связей является аллюзия. Термину «аллюзия» разные авторы дают различные определения:

– В «Большом энциклопедическом словаре» аллюзия определяется как «стилистическая фигура, намек посредством сходнозвучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения». Как пример в словарной статье приводится фразеологизм «слава Герострата». Не оценивая данный пример как корректный или некорректный, отметим, что фразеологизмы, как устоявшиеся словосочетания со значением, превышающим сумму значений составляющих, теряют связь с оригиналом, но при помощи дополнительных выразительных средств или нестандартного использования могут быть актуализированы; связь с исходным явлением при этом в некоторой степени восстанавливается. [Словари – 1]

– В «Словаре литературоведческих терминов» под редакцией Белокуровой, термину дается более развернутое определение: «художественный прием: сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение». Помимо

этого, в статье отмечается, что аллюзия «всегда шире конкретной фразы, цитаты, того узкого контекста, в который она заключена, и, как правило, заставляет соотносить цитирующее и цитируемое произведения в целом, обнаружить их общую направленность (или полемичность)». [Словари – 2]

– Н. Н. Романова, определяет аллюзию как «стилистическую фигуру, содержащую явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи». Как составляющие аллюзии она выделяет маркер (репрезентант) – элемент текста, содержащий в себе отсылку, и денотат – факт действительности, на который ссылается автор. [Словари – 3]

– Н. М. Разинкина называет аллюзией «косвенное указание с помощью слова или словосочетания на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт. Косвенное указание может быть также связано и с событиями повседневной жизни человека». [11]

– В своей работе «Выразительные средства современной русской речи» В. П. Москвин указывает, что в современной стилистике понятие «аллюзия» является одним из самых «размытых» и выделяет две разновидности аллюзий: эпитроп (косвенное указание на любой известный адресату факт) и текстовую аллюзию (фигура интертекста, отсылка к другому произведению). [Словари – 4]

Рассмотрев перечисленные определения, мы приходим к выводу, что аллюзия как художественный прием охватывает самые разные семантические поля (от истории и литературы до политики и повседневной жизни) и пользуется разнообразными языковыми единицами (от актуализированных фразеологизмов до слов с ярко выраженным культурно-ассоциативным значением, о котором сказано ниже). Для упрощения работы с материалом исключительно в рамках данного исследования под аллюзией мы будем подразумевать использование языковых знаков с целью вызвать у читателя ассоциации с определенным текстом, событием или иным культурным фактом; скрытую

цитату, использование фрагмента произведения без указания источника, мы будем воспринимать как одно из частных проявлений аллюзии. Такой прием позволяет автору актуализовать присутствующие в тексте интертекстуальные связи и тем самым дать отсылку к иному произведению или более широкому контексту.

Сам механизм действия аллюзии как тропа мы более подробно разберем в следующих главах; сейчас же отметим, что ее функционирование во многом основано на так называемом культурно-ассоциативном значении слова, которому Д. М. Бузаджи дает следующее определение: «проявляющаяся в разнообразных контекстах способность слова или выражения имплицитно вызывать в сознании широкого круга читателей представление о некоем тексте, качествах или явлении действительности» [2. С. 64]. Наиболее важными качествами данного значения он называет устойчивость, конкретность и имплицитность. Таким образом, слова с ярко выраженным культурно-ассоциативным значением вызывают у любого читателя, относящегося к определенной культуре, ассоциации к одному из культурных, исторических, литературных или иных фактов, известных данной культуре. Их использование и является одним из способов создать в тексте аллюзию как отсылку к иному тексту. Вторым способом являются упомянутые выше скрытые цитаты; к ним нередко прибегают в тех случаях, если источник цитирования не так широко известен широкому кругу читателей, чтобы вызвать требуемый эффект при помощи одной или двух словарных единиц.

Изучаемые в данной работе аллюзии на библейские тексты с точки зрения передачи на ПЯ имеют свою специфику, которую мы опишем в следующей главе. Пока же стоит выделить наиболее общее положение, на которое переводчику стоит обратить внимание при работе с любой аллюзией:

– переводчику следует помнить о том, что в тексте-оригинале аллюзия является двусторонней единицей, объединяющей в себе как информацию, обусловленную узким либо широким контекстом самого переводимого произве-

дения, так и дополнительные интертекстуальные связи, содержащие в себе отсылку на иной контекст, причем важными являются обе составляющие.

2. Особенности библейской аллюзии как стилистического приема

Перейдем к непосредственной теме нашего исследования – библейским аллюзиям, используемым для достижения комического эффекта, и посмотрим, как рассмотренные ранее вопросы отражаются на ней.

Стоит сразу же отметить тот факт, что аллюзии и отсылки к библейским текстам имеют ряд своих особенностей, которые переводчику стоит учитывать при работе. Первой особенностью является разница между их распространенностью в различных культурах: в западных текстах они намного более распространены, нежели в текстах, созданных на русском языке. В своей статье «Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов» Клюкина Т. П. подробно освещает этот вопрос:

«В процессах усвоения библейских выражений этими языками было много схожего, однако результаты оказались разными: в силу целого ряда исторических и других причин, говорить о которых не позволяет объем данной работы, в английский язык вошло гораздо больше слов, выражений и цитат из Библии, чем в русский (кстати, в английском языке их больше, чем в других западноевропейских языках). Общеизвестно также то, что Библия явилась самым богатым источником английской идиоматики (на втором месте – произведения Шекспира). Большая часть библейских выражений настолько ассимилировалась в английском языке, что не всегда и не у всех они ассоциируются с Библией». [6]

В числе причин различий в усвоении библеизмов этими двумя языками первой она называет исторические процессы, происходившие в России в начале двадцатого века. Такие расхождения приводят к разнице в восприятии библейских аллюзий читателями различных языковых сообществ: с одной стороны, аллюзия может оказать на российского читателя более мощный эф-

фект – или же, напротив, остаться неузнанной в силу меньшего знакомства с источником. Помимо этого, само содержание аллюзии может оказаться непонятым, о чем пишет в книге «Муки переводческие» С. Флорин:

«О советизмах говорить не стану — о них свидетельствуют, как я сказал, толковые и двуязычные словари соответствующих языков. Кроме того, их можно, в случае надобности, «перевести», передать другими словами, «функциональным эквивалентом». А о библеизмах могу сказать, что проведенная мною частная анкета среди знакомых врачей, химиков, инженеров и пр. в возрасте моложе сорока лет показала, что они, за малыми исключениями, не знают содержания (или значения) таких употребляемых ими же и записанных мною выражений, как «Фома неверный», «многострадальный Иов», «Кана Галилейская», которые в их речи превращаются в пустые шаблоны. А знаете ли их вы?» [14. С. 153]

По этим причинам переводчик должен не только распознать аллюзию или же скрытую цитату сам, но и определить требуемую соображениями прагматики степень экспликации – стоит ли сделать аллюзию более ясной для читателя, или же подобное решение пойдет в разрез с замыслом автора? В романе, отрывок из которого послужил материалом для данного исследования, авторы не стремятся эксплицировать аллюзии, ведя с читателем своего рода игру, и потому мы решили последовать их примеру и делать отсылки более ясными лишь в самых трудных для понимания случаях.

Второй особенностью библейских аллюзий можно назвать большую степень архаизации языка перевода Библии на русский по сравнению с ее англоязычными изданиями. Это касается как используемой лексики, так и синтаксиса. Если в оригинале авторам удавалось вставлять в текст скрытые цитаты из Библии, при этом не вызывая у читателя ощущения неестественности текста из-за излишней архаичности слога или же непривычного синтаксиса, то в переводе в некоторых случаях сделать это было невозможно из соображений

сочетаемости или же из-за излишней стилистической маркированности необходимых лексем. Подробней такие случаи мы опишем в главе 4, при непосредственном рассмотрении примеров библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта.

Особое внимание в данном вопросе следует уделить передаче имен собственных. Использование имени, обладающего культурно-ассоциативным значением, для создания аллюзии на определенное произведение (в нашем случае, на библейские тексты) – один из самых простых способов провести параллель с описанными в этом произведении событиями или же с носящим это имя персонажем. Этот прием, казалось бы, по-своему изящный и вместе с тем лишенный особых трудностей в применении, для переводчика может представлять сложность из-за того, что в русском переводе Библии имена действующих лиц приведены в архаичной форме, тогда как в английском языке они соответствуют современному узусу. Примером этого могут послужить обыгрываемые в одном из фрагментов книги имена евангелистов: так, живущий в современном мире персонаж по имени Matthew или John не вызовет у английского читателя никакого ощущения неестественности, то имена Матфей и Иоанн вместо обычных транскрипций Мэтью и Джон российскому читателю покажутся странными. Из-за этого попытка передать имя-аллюзию соответствующим именем из перевода Библии на русский язык может привести к стилистическим нестыковкам в тексте и тем самым затруднить для читателя его восприятие. Данную проблему мы также затронем в главе 4.

Итак, на данном этапе мы уже можем выделить несколько наиболее общих положений, которые переводчику стоит учитывать при работе с библейскими аллюзиями, используемыми для достижения комического эффекта:

– переводчику следует оценивать варианты передачи с точки зрения степени эксплицитности и, при необходимости, проводить прагматическую адаптацию с учетом целевой аудитории произведения и степени ее знакомства с текстами Священного писания;

– переводчику следует оценивать варианты с точки зрения стилистики и сочетаемости, соблюдая при этом нормы узуса и выполняя требования, обусловленные узким и широким контекстом;

– при работе с аллюзийными именами собственными переводчику следует оценивать варианты передачи с точки зрения соответствия задаваемым узким и широким контекстом условиям и стремиться при возможности передать культурно-ассоциативное содержание аллюзии или же компенсировать его потерю.

Но для передачи аллюзии, используемой для достижения комического эффекта, необходимо понимать, за счет чего этот эффект создается. Для того, чтобы это выяснить, стоит более подробно рассмотреть структуру аллюзии как тропа и выявить те механизмы, за счет которых она может оказывать на читателя требуемое автору воздействие.

Итак, аллюзия как троп, по сути, представляет собой двустороннюю языковую единицу, в которой содержится отсылка к определенному тексту, произведению или же культурно значимому событию. Таким образом, этот прием основан на взаимодействии двух фрагментов двух разных произведений: единицы принимающего произведения, выражающей обусловленный контекстом смысл, и единицы произведения-источника, вводящей в принимающий текст новый, внешний для него культурно-ассоциативный пласт значения. Как мы увидим в дальнейшем, эти единицы могут быть неоднородными и относиться к разным уровням организации текста. Каждая единица выполняет отведенную ей автором соответствующего произведения функцию и является составляющей своего дискурса; но при этом, при намеренном их столкновении в рамках одного контекста они вступают в контакт и взаимодействуют друг с другом. Именно этим взаимодействием и обуславливается их воздействие на читателя, соответствующее замыслу автора принимающего произведения.

Компонентами этого взаимодействия могут стать как семантические, так и стилистические особенности обеих единиц. В первом случае речь идет о вза-

имодействии смыслового наполнения единицы текста-источника и конкретным значением, диктуемым контекстом принимающего произведения. Данное взаимодействие может выражаться в сопоставлении двух единиц по общим признакам, сообщении читателю дополнительной информации через культурно-ассоциативный пласт значения или введение в текст еще одного, третьего, внешнего аллюзийного плана. Во втором же случае в центре внимания оказывается стилистика произведения-источника, взаимодействие которой со стилистикой принимающего произведения и обуславливает достижение соответствующего авторскому замыслу эффекта. В силу юмористической направленности произведения, послужившего материалом для нашего исследования, для рассматриваемых нами аллюзий этот эффект в большинстве случаев был комический.

Оба случая имеют свою специфику, более подробное описание которой будет приведено в следующей главе. Пока же мы можем добавить к нашему списку общих положений еще одно:

– при передаче библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта, переводчику необходимо выявить внутренний механизм создания комизма и в предлагаемом варианте постараться его воссоздать.

3. Общее описание библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта

Теперь, когда мы рассмотрели ряд общих особенностей работы с библейскими аллюзиями, мы можем перейти к непосредственному описанию библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта, и выполняемых ими функций. В ходе нашего исследования мы сумели выделить две основных разновидности подобных аллюзий:

- основанные на семантическом взаимодействии между фрагментом текста-источника и принимающего текста;
- основанные на стилистическом взаимодействии между фрагментом текста-источника и принимающего текста.

Говоря о первой категории, стоит отметить, что аллюзия как средство выразительности несет в себе огромный семантический потенциал. Являясь единицей цельного произведения, фрагмент текста-источника состоит в большом количестве смысловых и функциональных связей с прочими единицами этого же текста, и при совмещении его с новым контекстом эти связи приобретают новое значение. С помощью аллюзии автор может сообщить читателю большое количество имплицитной информации: в данном случае параллель может проводиться как с узким, так и с широким контекстом произведения-источника. Особенно ярко это выражается при использовании автором обладающего культурно-ассоциативным значением имени собственного – появление такого имени в тексте сразу же многое расскажет читателю об этом персонаже, заставит его вспомнить наиболее известные деяния лица, на которое дана отсылка.

Впрочем, семантический потенциал аллюзий, не основанных на именах собственных, не менее велик. Используя аллюзию, автор задействует уже упоминавшиеся выше связи единицы текста-источника с соответствующим узким и широким контекстом, за счет чего он может имплицитно сообщить

читателю дополнительную информацию о развитии сюжетной линии, определенных особенностях описываемой в произведении ситуации или же о значимых событиях в прошлом. При этом актуализируются общие черты развития повествования в обоих произведениях, что придает принимающему тексту большую глубину и позволяет читателю взглянуть на описываемые в нем события с новой точки зрения.

Помимо широкого контекста, сходные черты могут выделяться и в контексте узком. При помощи семантического аспекта аллюзии автор может акцентировать внимание читателя на конкретных особенностях описываемого предмета, подчеркнуть его особенные характеристики или отличительные черты. Происходит это, как правило, за счет определенного семантического сходства между предметами в тексте-источнике и принимающем тексте; это сходство можно отследить при более пристальном рассмотрении каждого отдельного примера. Зачастую подобное использование аллюзий также приносит в текст добавочную оценочность, которая основывается на культурно-ассоциативном значении объекта из текста-источника. Подобная актуализация ряда сем может работать на создание широкого ряда эффектов; в нашем случае такие аллюзии задействовались для создания комизма.

Все описанные функции аллюзия может выполнять за счет своей внутренней семантической структуры, которую переводчику необходимо воспроизвести и в тексте на ПЯ. С точки зрения семантики, аллюзия фактически сводит два контекстуальных значения в одном, и при передаче необходимо учитывать те связи, которые возникают между этими двумя контекстуальными значениями при взаимодействии. Как мы уже отметили, эти связи могут быть обусловлены как узким, так и широким контекстом единиц текста-источника и принимающего текста.

Стилистический аспект библейской аллюзии также обладает большим экспрессивным потенциалом. Как мы упоминали выше, текстам Священного писания присущ высокий, книжный стиль, употребление которого в произведении, написанном в иной стилистике, само по себе становится экспрессив-

ным. Используемая в прямой речи, аллюзия становится составляющей речевого портрета персонажа и тем самым сообщает читателю новую информацию о говорящем. Вне прямой речи стилистическое использование библейской аллюзии также возможно: автор может воспользоваться ей для придания тексту возвышенности, или же, наоборот, создать конфликт между намеренно возвышенным стилем отрывка и банальностью его фактического содержания. Во втором случае производимый аллюзией эффект в чем-то сходен с иронией, но вместо конфликта между прямым значением и значением текстуальным происходит конфликт между стилистической окраской и семантикой. Здесь стоит отметить, что хотя при стилистическом использовании библейской аллюзии семантика отходит на второй план, уступая ведущую роль в создании требуемого эффекта стилистическим особенностям текста-источника, полностью сбрасывать со счета значение нельзя. Это обусловлено описанной выше внутренней структурой аллюзии: аллюзия всегда должна быть мотивирована наличием семантических связей между единицами двух контекстов, и при их полном отсутствии читатель не сможет ее понять.

Более подробно разновидности аллюзий каждой из категорий мы рассмотрим в следующей главе. Однако на данном этапе мы можем несколько развить общее положение, которое мы выделили в конце предыдущей главы:

– при осмыслении внутреннего механизма создания аллюзии переводчику необходимо определить, на основании каких смысловых связей между единицами двух контекстов была создана данная аллюзия и какой из ее аспектов в большей степени работает на создание соответствующего авторскому замыслу эффекту.

4. Основные категории библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта

В предыдущей главе мы выделили две наиболее общие категории библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта: основанные на семантическом и стилистическом взаимодействии между отрывками произведения-источника и принимающего текста. Работая над переводом, мы обнаружили, что в силу богатого экспрессивного потенциала и функционального разнообразия аллюзий первой категории в ее рамках можно выделить несколько подкатегорий, а именно:

- аллюзии, основанные на функциональном расширении единицы текста-источника.
- аллюзии, основанные на смене денотата
- аллюзии, основанные на совмещении двух аллюзийных пластов.

В этой главе мы более подробно рассмотрим как подкатегории семантических аллюзий, так и аллюзии, основанные на стилистическом взаимодействии. К сожалению, две из трех семантических подкатегорий (первая и третья) в послужившем материалом для нашего исследования отрывке были представлены лишь одним примером, и потому их описание нельзя считать полным и всеобъемлющим.

При создании аллюзии **первой семантической подкатегории** (функциональное расширение) автор расширяет выполняемую в тексте функцию заимствуемой из произведения-источника единицы: словосочетание или предложение, которое в Библии выполняло определенную роль исключительно на своем уровне организации речи в узком контексте, переносится на более высокий уровень и становится названием для более крупного фрагмента принимающего произведения, тем самым приобретая новую, структурирующую функцию. Стоит особо отметить, что если фраза уже выполняла структурирующую функцию в произведении-источнике, то относить ее к данной кате-

гории было бы некорректно, потому что в таком случае функция не меняется – меняются связи заголовка с содержанием, и потому речь идет скорее не о функциональном расширении, а о подмене денотата (подкатегория II). Основная сфера применения данной подкатегории аллюзий – заголовки статей и названия глав. Можно предположить, что степень изменения формулировки в подобных аллюзиях в большинстве случаев будет низкой, так как в противном случае читатель может не узнать источник цитирования. Степень переосмысления значения используемого в качестве названия фрагмента произведения-источники, напротив, будет высокой, так как при расширении функции данный отрывок приобретает множество новых внутритекстовых связей в принимающем произведении. Так, в «Добрых Предзнаменованиях» авторы использовали в качестве названия для пролога известную цитату «Евангелия от Иоанна»: «In the beginning». В тексте Библии фраза “In the beginning” выполняет роль обстоятельства времени и не несет в себе особой стилистической выразительности. В тексте «Предзнаменований» этой фразе отводится более значимая функция: теряя функцию обстоятельства времени, она приобретает структурирующую функцию. За счет взаимодействия семантического и аллюзийного пластов (пересечения ожидаемого читателем значения «в начале времен» и контекстуального «в начале рассказываемой в книге истории») создается некоторый комизм и сразу же задается своего рода библейский настрой всего текста. Само же изначальное значение («в начале мира») пропадает, так как действие в прологе происходит не в начале времен, а несколько позднее, после грехопадения. Следует обратить особое внимание на тот факт, что в ином контексте данная фраза могла быть использована не как отсылка к Библии, так сама по себе она не включает в себя никаких языковых единиц, прямо или косвенно указывающих на источник за счет стилистической маркированности, и вполне может не вызвать у читателя ассоциаций со священными текстами. Поэтому авторы актуализировали ее как за счет рассмотренного выше механизма, так и за счет введения в роман огромного количества иных отсылок на тот же источник, подсказывающих читателю нуж-

ное направление. Можно предположить, что подобной дополнительно актуализации в большинстве случаев потребуют схожие немаркированные цитаты. Еще одним примером аллюзии данной категории может послужить название статьи «Syria: Russian writing on the wall», опубликованной на сайте газеты «Гардиан» 13 декабря 2012-го года, речь в которой идет об ухудшении отношений Сирии с Россией и грозящими ей в этой связи неприятными перспективами. Фразеологизм библейского происхождения «writing on the wall» в данном случае актуализируется за счет добавления смыслового компонента «Russian», позволяющему читателю сразу же понять, что усложнение положения Сирии непосредственно связано с Россией. Автор продолжает свою игру, подхватывая этот образ в первом же предложении статьи: «If there was any writing on the wall that the Assad government never wanted to see, it was writing in Russian». Перевести это можно так: «Однажды во время пира библейский царь Валтасар увидел на стене письма, предрекающие ему гибель. Послание было написано на арабском; Ассادا же куда больше напугали бы те же слова на русском». В целом, как мы можем видеть, комизм в аллюзиях данной категории создается за счет семантического взаимодействия между узким контекстом произведения-источника и широким контекстом принимающего произведения.

Комический эффект, производимый аллюзиями **второй семантической подкатегории**, основан на механизме, сопоставимом с механизмом метафоры: предмет называется через слово или словосочетание, использованное в произведении-источнике для обозначения иного предмета. Необходимым условием в данном случае является наличие общих признаков между предметом 1 и предметом 2; эти признаки делают создаваемую аллюзию мотивированной. Ими обуславливается и создаваемый аллюзией-метафорой комический эффект, так как при их отсутствии сравнение лишится основания: аллюзия при этом потеряет смысл и станет неясной для читателя. Наличие общих признаков между двумя сравниваемыми предметами делает аллюзии данной категории наиболее эксплицитными и простыми для понимания как для чи-

тателя, так и для переводчика. Основная сфера их употребления – номинативные конструкции, группы подлежащего и дополнения. При создании аллюзии второй подкатегории форма заимствуемой единицы, как правило, не изменяется, или же изменяется совсем незначительно. Степень семантического переосмысления единицы текста-источника относительно высокая в силу предания фразе нового значения, но ниже, чем в случае с первой категорией, так как у старого и нового значения присутствуют общие семы (мотивирующие аллюзию общие признаки). Наиболее ярким примером аллюзий данной категории может послужить использованная одним из главных героев книги для обозначения иерархов Ада фраза «The powers that Be». Сама по себе она является устойчивым выражением, но за счет актуализации узким (использование в новом значении) и широким (множество шуток в романе так или иначе затрагивают религиозные темы) контекстом мы можем рассматривать ее как аллюзию на соответствующее выражение из «Послания к римлянам святого апостола Павла», где данным словосочетанием обозначались мирские власти. Наличие между этими двумя значениями целого общих признаков (влияние, иерархичный строй, а также масса сопутствующих ассоциаций) делает аллюзию ясной для восприятия и создает требуемый комический эффект. Другим примером подобной аллюзии может стать цитата из сатирического фильма «Булворт», приведенная в обзоре «Нью-Йорк Таймс» от 15-го мая 1998-го года: «He has enemies who pronounce him “an **old liberal wine** trying to pour itself into a **new conservative bottle**”». Здесь аллюзия на рассказанную Иисусом притчу о старом и новом используется для того, чтобы подчеркнуть абсурдность положения сенатора, чья политическая программа давно безнадежно устарела, а карьера идет к закату. Перевести это можно следующим образом: «Враги называют его “старым либеральным вином, которое пытается перетечь в новые консервативные мехи”».

Комизм в аллюзиях **третьей семантической подкатегории** основан на взаимодействии двух различных семантических полей, пересекающихся между собой в определенных точках. Стоит особенно отметить тот факт, что

оба аллюзийных плана являются внешними по отношению к пространству принимающего произведения. Фактически, при создании подобных аллюзий автор использует единицу, имеющую несколько культурно-ассоциативных значений, которые он и сталкивает в рамках одного контекста. Из-за необходимости совместить в тексте два значения автор может прибегнуть к дополнительным средствам, находящимся вне самой аллюзии и эксплицитно или имплицитно дающих указание на дополнительный (более слабый в силу ряда определенных причин или же обладающий меньшим культурно-ассоциативным весом) аллюзийный пласт. Подобное решение привлечет внимание читателя ко второму ассоциативному плану используемой аллюзии и тем самым обеспечит произведение аллюзией требуемого эффекта. Механизм, за счет которого создается комизм подобных аллюзий, в какой-то степени сравним с механизмом каламбура: автор тоже использует разные значения одной единицы, но не семантические, а культурно-ассоциативные. Наличие двух ассоциативных планов вместо одного и является главной отличительной чертой данной категории. Об области применения аллюзий подобного плана судить трудно в связи с их редкостью, но мы можем предположить, что гибкость конструкции делает их применимыми в разных позициях и контекстах. Также мы можем предположить, что степени изменения формы высказывания, как и степень переосмысления семантики единицы текста-источника в аллюзиях данной категории варьируются от низкой до средней: изначальное значение сохраняется, но к нему присоединяется дополнительный аллюзийный пласт. В переведенном отрывке «Добрых Предзнаменований» данная подкатегория представлена лишь одним примером: одно из действующих лиц предлагает назвать ребенка каким-нибудь библейским именем, например, «Matthew, Mark, Luke or John», а потом добавляет: «They sound more like cowboys and footballers». Эта фраза и служит той дополнительной единицей, которая вводит к первому ассоциативному пласту (евангелисты) второй (герои вестернов и футболисты). Мы уже упоминали сложность с передачей имен, имеющих библейское происхождение; добавленный

ассоциативный план усложнил нашу задачу еще сильнее. Этот вопрос, принятое нами решение, как и, в целом, наиболее эффективные стратегии передачи аллюзий каждой из категорий и подкатегорий мы рассмотрим более подробно в следующей главе.

Комический эффект аллюзий, основанных на **стилистическом взаимодействии**, обусловлен намеренным завышением регистра речи. Завышение регистра достигается за счет особенностей произведения-источника, которые мы уже упоминали в главе 2: для Библии характерен высокий, книжный стиль. Стоит отметить, что данная особенность в силу общности источника присуща и прочим категориям библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта, но именно в данной категории стилистический аспект становится решающим. В типичной аллюзии данной категории библейская конструкция служит для выражения бытового, повседневного смысла, на чем и основан комический эффект. В какой-то степени механизм комизма данной категории может быть уподоблен тропу иронии, построенном на противопоставлении буквального и контекстуального смыслов; в нашем же случае конфликт возникает между намеренной стилистической избыточностью внешней формы и содержанием высказывания. В переведенном нами отрывке «Добрых предзнаменованиях» аллюзии данной категории использовались только в прямой речи, но мы можем предположить, что их применение возможно и в авторской речи. Степень изменения внешней формы высказывания может варьироваться сильнее, нежели в иных категориях, так как для сохранения требуемого регистра речи авторам не обязательно сохранять изначальную формулировку фразы целиком: для этой же цели могут подойти и ее отдельные составляющие. Степень переосмысления фразы из произведения-оригинала, наоборот, низкая, так как сама семантика фразы, как правило, сохраняется. Примером аллюзий данной категории может послужить содержащая отсылку к псалму 118 реплика одного из героев книги (демонического существа): «It's time to recount the Deeds of the Day». Произнесена эта реплика во время встречи с другими демонами и, по сути, служит

всего лишь призывом отчитаться о содеянных за прошедшее с момента предыдущей встречи злодеяниях. Как мы можем видеть, комизм в данном случае создается благодаря конфликту между стилистикой реплики и банальностью ее содержания. Другим примером использования стилистического аспекта библейской аллюзии может послужить описание серии фильмов «Мумия» из газеты «Индепендент» за 19-е апреля 2002-го года:

«And thus it did come to pass that *The Mummy* [movie] prospered, and begat *The Mummy Returns*, wherein the crowds did rejoice at American wrestling champion The Rock. The producers **saw that it was good**, and **upon this Rock did they build** a spin-off, and *The Scorpion King* was its name. And lo! the special effects did create an almighty chaos of sorcery around The Rock, and righteously did he smite his enemies, for thus was it written: **one sequel passeth away and another sequel cometh**».

В данном отрывке содержатся целых три скрытых цитаты из различных источников: «Книга Бытия», 1:18, «Евангелие от Матфея», 16:18, и «Экклезиаст», 1:4. Такая непоследовательность в подборе источников позволяет нам сделать вывод, что цитаты автором подбирались исключительно ради создания комического эффекта за счет намеренного завышения регистра речи и поддержания остроумной словесной игры. Перевести этот отрывок можно так:

«И познала «Мумия» процветание и сборы кассовые, и породила она сиквел «Мумия возвращается», и возрадовались зеваки праздные, глядя на похождения америкаского рестлера, Скалою прозванного. И увидели продюсеры, что это хорошо, и на сей Скале создали они фильм новый, «Царем Скорпионов» именуемый. И – о чудо! – сотворили спецэффекты вокруг Скалы хаос волшебства немислимый, и сокрушал он врагов своих дланью праведной, ибо было написано: сиквел приходит и сиквел уходит».

5. Стратегии передачи основных категорий библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта

В предыдущей главе мы описали все обнаруженные нами при работе с «Добрыми Предзнаменованиями» категории и подкатегории библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта. Теперь же мы более подробно рассмотрим их примеры, проанализируем предложенные нами варианты передачи и постараемся на их основе выделить наиболее эффективные стратегии, которыми переводчик может руководствоваться при работе с подобными аллюзиями.

Как уже было отмечено ранее, библейские аллюзии **первой семантической подкатегории** в переведенном нами отрывке, как и во всем произведении, представлены слабо. К ним относится всего лишь один пример: а именно, упомянутая нами в предыдущей главе фраза “In the beginning”, использованная авторами в качестве заголовка для предлога. Рассмотрим ее подробнее:

Оригинал	Вариант передачи	Анализ
<p>In the beginning.</p> <p>В произведении-источнике: «In the beginning was the Word...», Genesis 1:1. Заимствованная фраза выполняет функцию обстоятельства времени, семантическое значение – «в начале времен».</p> <p>В принимающем тексте: служит названием для пролога, семантическое значение: «в начале истории/в начале книги».</p>	<p>В начале.</p> <p>В произведении-источнике: «В начале было Слово...», Бытие 1:1. Аллюзийный план тождественен оригиналу.</p> <p>В принимающем тексте: выполняемые функции тождественны оригиналу.</p>	<p>В тексте-источнике заимствуемая фраза выполняет роль обстоятельства времени и не несет в себе особенной стилистической выразительности. В принимающем тексте этой фразе отводится более значимая функция: теряя функцию обстоятельства времени (в прологе действие происходит не в самом начале времен, а уже после грехопадения), она приобретает структурирующую функцию. За счет взаи-</p>

		<p>модействия семантического и аллюзийного планов значения (смыслы «в начале книги» и «в начале времен») создается некоторый комизм и сразу же задается своего рода библейский настрой всего текста.</p> <p>Контекст позволял нам подставить соответствующую строку из перевода Книги Бытия на русский язык, благодаря чему при переводе это взаимодействие удалось сохранить; в данном случае каких бы то ни было потерь не наблюдается.</p>
--	--	---

Из-за нехватки материала делать какие-либо выводы о наиболее эффективных стратегиях передачи в подобных случаях затруднительно, так как в нашем случае адекватной передачи аллюзии удалось добиться путем механической подстановкой фрагмента из перевода Священного Писания на русский язык. Однако мы можем предположить, что, так как аллюзии данной категории по своей сути являются заголовками, для них в определенной степени применимы общие правила перевода названий, при работе с которыми переводчик может применить широкий спектр преобразований – от смыслового развития до целостного преобразования. Однако, в силу особенностей аллюзии как тропа, рассмотренных нам в предыдущих главах, мы можем предположить, что применительно к названиям, построенным на аллюзиях, большая часть этих стратегий окажется неполноценной, так как их применение приведет к утрате аллюзийной составляющей. Это означает, что наиболее эффективным в данном случае, скорее всего, окажется метод опущения и компенсации: в том случае, если подстановка фрагмента перевода невозможна, переводчик может дать тексту или же фрагменту текста свое собственное

название. При достаточно хорошем знакомстве с произведением-источником переводчик может подобрать иной отрывок, способный вступить с требуемым фрагментом принимающего произведения в схожие внутритекстовые связи и выразить требуемые контекстом значения. Переводчик также может пожертвовать аллюзийной составляющей, сохранив общий смысл заголовка, и, если для этого будет возможность, постараться скомпенсировать потерю уже внутри самого текста, создав свою аллюзию в позволяющем это фрагменте.

Вторая семантическая подкатегория в переведенном нами отрывке представлена намного более богато:

Оригинал	Вариант передачи	Анализ
<p>The powers that Be</p> <p>Сама по себе эта фраза является устойчивым сочетанием, в силу чего ее ассоциируемость с источником утеряна. В тексте романа, однако, это крылатое выражение актуализация за счет узкого (использование в новом значении) и широкого (общий библейский уклон шуток в «Добрых предзнаменованиях») контекста. В связи с этим мы можем считать его употребление аллюзией, нацеленной на достижение комического эффекта.</p> <p>В произведении-источнике: выдержка из «Послания к римлянам», 13:1, семантическое значение – «мирские</p>	<p>Наверху, в смысле, снизу.</p> <p>Аллюзийный план – утерян.</p>	<p>В оригинале комизм строится на переносе обозначения «the powers that be» на иной объект, схожий с первым по ряду признаков: иерархичность, выполнение руководящих функций.</p> <p>Подстановку соответствующего варианта из Синодального перевода «Послания к римлянам» на русский язык («власти существующие») мы сочли неприемлемым, так как он не является узуальным и вряд ли будет распознан читателем как имеющий библейское происхождение. Существующие в русском языке эквиваленты «власти предрешающие» и «власть имущие» мы решили не использовать по той причине; помимо этого, при</p>

<p>власти».</p> <p>В принимающем тексте: семантическое значение «власти Ада».</p>	<p>Требуемое принимающим текстом значение и комизм – сохранены.</p>	<p>проверке различных вариантов мы обнаружили, что некоторые носители ошибочно ассоциируют это словосочетание не с мирскими властями, а с высшей силой. Предложенный нами вариант передачи теряет ассоциативный план; комизм в нем создается за счет взаимодействия значений слова «наверху» как «на небесах» и «среди начальства» и сообщении сходных значений слову-антониму «снизу». Таким образом, пожертвовав аллюзийностью, мы сохранили коммуникативную установку фразы (комический эффект) и семантическую составляющую.</p>
<p>Well, there's always Adam,' – said Sister Mary. That should be safe enough, she thought.</p> <p>В произведении-источнике: имя Адам носит первый грешник за всю историю человечества.</p> <p>А принимающем тексте: имя библейского происхождения для маленького Антихриста.</p>	<p>Можно назвать его Адамом, – сказала сестра. Имя первого грешника показалось ей достаточно невинным – на первый взгляд.</p> <p>Аллюзийный план сохранен и эксплицирован.</p> <p>Требуемая принимающим текстом функция сохранена.</p>	<p>В оригинале комизм данной аллюзии достаточно завуалирован. Как мы упоминали выше, аллюзии данной категории должны быть мотивированы наличием общих признаков у двух сравниваемых объектов, и сходство между библейским Адамом и Адамом из переводимого нами произведения на первый взгляд кажется неочевидным. Однако это сходство все же присутствует, и авторы указывают на него двумя способами; при бо-</p>

		<p>лее пристальном изучении контекста его можно заметить. В предшествующем этой реплике диалоге одно из действующих лиц пытается подсказать другому в качестве библейского имени для ребенка имени различных грешников (Каин, Саул). Сразу же после этой реплики авторы вводят в текст слово <i>safe</i>, тем самым указывая читателю на коммуникативную установку говорящей. Таким образом, нам удастся выделить два общих признака:</p> <ul style="list-style-type: none">- действия Адама, маленького Антихриста, также должны коренным образом изменить бытие рода людского- в романе Адам тоже должен стать первым грешником нового, inferнального мира после конца света. <p>Эти признаки делают аллюзию мотивированной.</p> <p>В предлагаемом переводе аллюзийный план сохраняется полностью, так как смогли подставить имя из Библии; без постановки ударения оно одновременно выглядит достаточно западным для родившегося в Англии ребенка (в таком случае</p>
--	--	---

		ударение должно ставиться на первый слог), но при этом очевидна и отсылка к библейскому Адаму.
<p>The Adversary, Angel of the Bottomless Pit, Prince of This World, Father of Lies,</p> <p>В тексте-источнике взятые из различных фрагментов Священного писания обозначения для нечистого. Часть вошла в английский язык как устоявшиеся крылатые выражения, однако мы сочли, что в силу особенностей контекста они являются актуализированными и потому могут рассматриваться нами как аллюзии.</p> <p>В принимающем тексте: прозвище Антихриста.</p>	<p>Врагом рода человеческого, Ангелом Бездны, Князем мира сего, Отцом Лжи,</p> <p>В предлагаемом нами варианте передачи аллюзийный план сохранен полностью.</p> <p>Выполняемая в принимающем произведении функция соответствует контексту и авторскому замыслу.</p>	<p>В оригинале комизм строится на трех факторах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – избыточность, – графический уровень – капитализация всех значимых слов, – аллюзийный план каждого из элементов последовательности. <p>Для нашего исследования в силу его характера наибольший интерес представляет именно последний фактор. Авторы переносят названия сатаны на его сына, Адама; общим признаком, мотивирующим аллюзию, в данном случае является родство между двумя сравниваемыми персонажами.</p> <p>Предложенный нами вариант передачи сохраняет аллюзийную составляющую и соответствует требуемой контекстом функции.</p>

Наиболее разумным планом действий при работе с аллюзиями нам представляется следующий алгоритм:

1) Оpozнав аллюзию, переводчик должен изучить ее внутреннюю структуру и выявить для себя общие признаки, делающие эту аллюзию мотивированной.

2) При наличии перевода произведения-источника на русский язык (в случае с библейскими аллюзиями перевод требуемый присутствует) переводчик должен найти в нем соответствующий отрывок и оценить потенциал его подстановки в текст перевода принимающего произведения.

3) В том случае, если при такой подстановке не будут нарушены нормы ПЯ и присутствующие в тексте логические связи, а также если при подобной подстановке сохранится требуемый авторами производимый эффект, переводчику стоит к ней прибегнуть.

4) В том случае, если при подстановке отрывка из перевода будет нарушено одно из описанных выше условий, наиболее рациональным решением будет снятие аллюзии с сохранением требуемого контекстом смысла и передачей комического эффекта за счет иных языковых средств.

5) В том случае, если переводчик принял решение снять аллюзийный план, стоит оценить перевод с точки зрения потенциала компенсации и, если определенный фрагмент позволяет создать свою аллюзию без смысловых потерь и утраты логики повествования, стоит к ней прибегнуть. При этом, однако, следует учитывать общий аллюзийный план принимающего произведения и оценить предлагаемый вариант с точки зрения стилистического и смыслового контекста.

Третья семантическая подкатегория в переведенном нами отрывке также представлена только одним примером, что несколько затрудняет ее описание.

Оригинал	Вариант передачи	Анализ
<p>"A decent English name, like people had in the Bible," said Mr. Young. "Matthew, Mark, Luke, or John," he said, speculatively. Sister Mary winced. "Only they've never struck me as very</p>	<p>– Какое-нибудь славное английское имя, чтобы из Библии... Марк, Гидеон, Аарон, или Герсон... – задумчиво перечислял мистер Янг. Сестра Мэри морщилась, – Мне, правда, всегда почему-то каза-</p>	<p>В оригинале комизм данной аллюзии строится на перекрещивании двух семантических полей, одно из которых вводится отдельной фразой ("They sound more like cowboys and footballers."): авторы</p>

<p>good Bible names, really," Mr. Young added. "They sound more like cowboys and footballers."</p> <p>Аллюзийный план 1: семантическое поле «имена евангелистов».</p> <p>Аллюзийный план 2: семантическое поле «имена ковбоев и футболистов».</p> <p>В принимающем тексте: перечисление подходящих для ребенка библейских имен.</p>	<p>лось, что эти имена все-таки не для Библии. Людей с такими именами на футбольное поле надо, или в вестерн какой-нибудь.</p> <p>Аллюзийный план 1: семантическое поле «библейские имена».</p> <p>Аллюзийный план 2: семантическое поле «имена ковбоев и футболистов».</p> <p>Выполняемая в принимающем тексте функция сохранена.</p>	<p>находят между полями точку соприкосновения и привлекают к ней внимание читателя путем добавления в текст эксплицирующей фразы. Стоит отметить, что без реплики про ковбоев и футболистов этот фрагмент было бы трудно отнести к аллюзиям как таковым, так как введение первого аллюзийного плана в данном случае обусловлено контекстом: само по себе появление в этом фрагменте библейских имен обусловлено внутренней логикой романа и не несет в себе особо значимых отсылок; мистер Янг мог бы выбрать для ребенка абсолютно любое имя библейского происхождения. Но необходимость работать сразу с двумя планами аллюзийности вынуждает авторов подобрать несколько особых имен, входящих в оба поля. Эту задачу вряд ли представляла собой особую сложность, так как, в отличие от русского, в английском языке библейские варианты многих имен сохранились в неизменном виде. Но, тем не менее, появление второго аллюзийного плана актуализирует и первый</p>
---	--	--

		<p>план, библейский.</p> <p>В предлагаемом нами варианте передачи был частично утрачен первый аллюзийный план. Мы сохранили коммуникативную установку героя романа, по сути, расширив узкое семантическое поле «имена евангелистов» до поля «имена библейского происхождения».</p>
--	--	--

В силу структурного сходства аллюзий третьей семантической подкатегории с каламбуром при работе с ними переводчик может руководствоваться схожими принципами. Главной задачей переводчика является воссоздать схожую структуру на ПЯ; при этом он может взаимодействовать с обоими аллюзийными пластами: расширить любое из двух семантических полей или же сузить его. При полной замене одного из аллюзийных планов на другой стоит учитывать важность каждого плана для широкого контекста: так, например, в силу заметной роли библейской тематики переводимого нами романа жертвовать библейским аллюзийным планом было нежелательно, и в его случае мы могли только расширить семантическое поле «имена евангелистов» до поля «имена библейского происхождения» (именно это решение мы и приняли), или же сузить его, тем самым сократив список предлагаемых персонажем книги имен. Аллюзийный же план «футболисты и герои вестернов» был не настолько жестко фиксирован: при желании мы могли бы расширить его до «спортсмены и киногерои», или же сменить иным семантическим полем.

Дополнительную сложность данного фрагмента для перевода обуславливает уже упоминавшийся выше факт: в английском языке многие библейские имена узуальны, тогда как в русском узусе они в большинстве своем изменились, уйдя от старославянских вариантов. Поэтому мы не могли транскриби-

ровать использованные в этом отрывке имена собственные и тем самым сохранить его в неизменившемся виде. Приняв решение расширить первый аллюзийный план настолько, насколько нам это позволяет текст, мы поставили перед собой задачу подобрать имена собственные, соответствующие следующим трем критериям:

- 1) имеют библейское происхождение,
- 2) форма не претерпела значительных изменений по сравнению с библейскими текстами,
- 3) могут быть отнесены к семантическому полю «ковбои и футболисты».

На этом основании мы можем предложить следующий алгоритм работы с аллюзиями данной категории:

- 1) Переводчик должен оценить потенциал передачи каждого из семантических полей в тексте на ПЯ.

- 2) В том случае, если передача обоих полей в силу какой-либо причины невозможна, переводчик должен оценить каждое из них с точки зрения смысловой значимости и ценности для контекста.

- 3) Если контекст позволяет переводчику произвести необходимые трансформации с одним из семантических полей, то так и следует поступить. В противном случае переводчику стоит снять авторскую аллюзию и постараться так или иначе ее компенсировать.

Стилистическая категория библейских аллюзий, используемых для достижения комического эффекта, представлена в переведенном нами отрывке более широко.

Оригинал	Вариант передачи	Анализ
<p>don't let the sun go down on you here.</p> <p>В тексте-оригинале:</p>	<p>Пожалуйста, уйдите отсюда до заката, а то не миновать нам всем кары.</p>	<p>В оригинале сильно изменена форма отрывка из произведения-источника: по сути, авторы используют характерную для Библии конструкцию “the sun went</p>

<p>«Let not the sun go down on your wrath» (Ephesians 4:26). Семантическое значение: усмирите свой гнев до заката солнца.</p> <p>В принимающем тексте: выражает смысл «покиньте это место до захода», обусловленный узким контекстом (беседа Азирафала с людьми).</p>	<p>Ассоциативный план пропадает.</p> <p>В принимающем тексте выполняет ту же функцию.</p>	<p>down on somebody”, не давая отсылок к конкретным эпизодам священных текстов. За счет этого речь ангела приобретает книжный оттенок, в целом свойственный для этого персонажа.</p> <p>Предложенный нами вариант передачи выражает текстуальную функцию аллюзии, сохраняя книжность речи, но при этом связь с библейскими текстами в нем отсутствует почти полностью; какой-то ассоциативный потенциал в нем несет только слово «кара». Однако стоит учесть, что в данном случае аллюзию авторы использовали как сугубо стилистическое средство, и требуемый оттенок возвышенности мы передали.</p>
<p>Recount the Deeds of the Day</p> <p>В тексте-источнике: I shall not die, but I shall live, and recount the deeds of the Lord (Psalm 118:17)</p> <p>В принимающем произведении: выражает смысл «отчитаться о последних злых делах», обусловленный узким контекстом (встреча демонов, действующих в</p>	<p>настало время возвещать дела наши</p> <p>Аллюзийный план сохранен.</p> <p>Выполняемая в тексте функция соответствует оригиналу.</p>	<p>Комизм данной аллюзии создается за счет намеренной возвышенности речи; также, стоит обратить внимание на то, что один из смысловых компонентов единицы текста-источника меняется на прямо противоположный: уже не праведник рассказывает миру о деяниях Всевышнего, а грешник хвастается своим грехом. Прямая смысловая противоположность</p>

<p>мире людей).</p>		<p>тексту псалма (грешник, возвещающий о делах нечистого) здесь отсутствует; сходство по признакам также нельзя назвать полноценным (праведник рассказывает о делах Господних всему свету, демоны же общаются об этом только между собой). На этом основании можно сделать вывод, что как основу для комического эффекта авторы используют в первую очередь книжную окраску всей фразы в целом, а непосредственное значение фрагмента в оригинале создает уже дополнительный комизм.</p> <p>Предложенный нами вариант передачи сохраняет все составляющие оригинальной аллюзии – как сам аллюзийный план, так и книжность речи.</p>
<p>‘Every country,’ said Crowley. ‘The Earth and all the kingdoms thereof.’</p> <p>В тексте-источнике: конструкция «All the kingdoms of the Earth» встречается во многих книгах Священного писания.</p> <p>В принимающем тексте: служит для выражения масштабов гря-</p>	<p>– по всей Земле и во всех царствах земли.</p> <p>Аллюзийный план сохранен.</p> <p>Выполняемая в тексте функция идентична оригиналу.</p>	<p>В оригинале комизм строится на употреблении несколько измененной (добавлена рифма) конструкции из Библии, которая в данном случае придает речи героя нехарактерный для него оттенок книжности. Это обусловлено внутренней логикой романа: во время диалога этот герой переживает тяжелое нервное напряжение, что сказывается на его</p>

душего Апокалипсиса.		манере речи. Предлагаемый нами вариант передачи сохраняет оба плана выражения.
----------------------	--	---

При работе с аллюзиями стилистической категории переводчику следует учитывать, что их комизм в первую очередь основан на завышении регистра речи. Это означает, что при необходимости переводчик может снять аллюзийный план, если в предлагаемом им варианте требуемый контекстом высокий стиль создается за счет языковых единиц, не имеющих культурно-ассоциативного значения. Подобным образом мы поступили с репликой “don’t let the sun go down on you”: в переводе «Послания к ефесянам» данная строка переводится как «солнце да не зайдет во гневе вашем», и получаемый при механической подстановке вариант «солнце да не зайдет над вами здесь» не узуален и попросту непонятен для читателя. В предлагаемом нами варианте завышение регистра сохраняется за счет смыслового развития («не миновать нам всем кары»), соответствующего контексту диалога и коммуникативной установке персонажа; сама фраза, которую вводит этот прием, является книжной по своему окрасу и несет в себе слабый аллюзийный пласт за счет сочетаемости слова «кара». Таким образом мы в определенной степени компенсируем понесенную при снятии аллюзийного плана потерю.

При работе с подобными аллюзиями мы можем составить следующий алгоритм:

1) Переводчик должен убедиться, что создаваемый библейской аллюзией комический эффект основан именно на стилистическом аспекте, то есть – намеренном завышении регистра речи. Для этого необходимо рассмотреть внутреннюю структуру аллюзии и удостовериться, что семантические связи между единицами текста-источника и принимающего текста слишком слабы для полной семантической мотивированности.

2) Переводчик должен свериться с переводом соответствующего текста на ПЯ, отыскать в нем перевод требуемой единицы и оценить возможность ее

подстановки в текст перевода принимающего произведения с точки зрения ее смыслового содержания, норм переводящего языка и узуальности предполагаемого варианта передачи.

3) В том случае, если при подстановке не нарушается ни одно из описанных выше условий, она будет наиболее разумным шагом, позволяющим передать всю полноту авторского замысла без каких бы то ни было потерь. В противном случае переводчику следует снять аллюзийный пласт, воспроизведя требуемый комический эффект за счет использования стилистически окрашенных единиц без культурно-ассоциативного значения и оценить весь текст с точки зрения потенциала компенсации.

Заключение

Итак, при работе с библейскими аллюзиями, используемыми для достижения комического эффекта, переводчику следует:

– проанализировать широкий контекст единицы принимающего текста и установить, насколько значительна в нем роль подобных аллюзий. Эти сведения понадобятся для составления общей стратегии работы с данным текстом и помогут оценить потенциал снятия аллюзийного плана в том случае, если его передача приведет к нарушениям внутренней логики текста или же норм узуса;

– выявить внутренний механизм создания комизма. При осмыслении внутреннего механизма создания аллюзии переводчику необходимо определить, на основании каких смысловых связей между единицами двух контекстов была создана данная аллюзия и какой из ее аспектов, культурно-ассоциативный или же стилистический, в большей степени работает на создание соответствующего авторскому замыслу эффекту;

– постараться воспроизвести данный механизм на ПЯ. При этом стоит оценить потенциал подстановки соответствующего фрагмента из перевода Библии на переводящий язык с варианты перевода с точки зрения с точки зрения стилистики и сочетаемости, соблюдения норм узуса и выполнения требований, обусловленных узким и широким контекстом. Оценить такой вариант стоит и с точки зрения степени эксплицитности и, при необходимости, проводить прагматическую адаптацию с учетом целевой аудитории произведения и степени ее знакомства с текстами Священного писания.

– при соответствии подстановки описанным выше условиям, ее выполнение с требуемой степенью прагматической адаптации скорее всего и будет наиболее полноценной передачей, соответствующей авторскому замыслу и выполняющей все необходимые функции. В противном случае переводчику следует снять изначальный аллюзийный план и скомпенсировать его потерю

за счет его ключевого аспекта, стилистического или же семантического. Стилистический аспект может быть компенсирован за счет использования книжной лексики, не имеющей культурно-ассоциативного значения; семантический план может быть скомпенсирован путем создания собственной аллюзии со схожей внутренней структурой или же манипуляций с семантическими составляющими изначальной аллюзии (в случае с аллюзиями третьей семантической подкатегории).

Библиография

- 1) Алехина А. И. «Идиоматика современного английского языка» – М.: Высшая школа, 1982
- 2) Бузаджи Д. М. «Культурно-ассоциативное значение в переводе» – «Мосты» N3(35)/2012. – М.: Р.Валент, 2012.
- 3) Влахов С. И., Флорин С. «Непереводимое в переводе» – М.: Международные отношения, 1980
- 4) Гришаева Л. И. «Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности» – В., 2012: Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 10. – С. 46-68,
- 5) Драгунова Р.Г. «Подходы к определению интертекстуальности и интертекста, скрытая цитата как форма межтекстовых связей» Сб. науч. трудов. МГИИЯ им. М. Горького. Вып. 361. Реализация лексико-семантической системы французского языка в речевой деятельности. М., 1990. с.55-63.
- 6) Клюкина Т. П. «Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов» Столпотворение N8/9. – М.: Вагриус, 2003.
- 7) Комиссаров В.Н. «Современное переводоведение» М.: Высшая школа, 2002.
- 8) Кристева Ю. «Бахтин, слово, диалог и роман» Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. - М., 2000. - С. 427-457

9) Ланчиков В.К. «Передача цитат при переводе с английского языка на русский в свете разграничения понятий "цитаты" и "крылатые слова"» Мин. общ. и проф. образ. РФ. МГЛУ. - М. : МГЛУ, 1997. - 21с

10) Орлова Н.М. «Текстообразующая роль прецедентных феноменов библейского истока» III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.) – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С. 105-107

11) Разинкина Н.М. «Функциональная стилистика» – М.: Высшая школа, 1986.

12) Середина К.Г. «Идиоматика в английской речи» – М.: Просвещение, 1964

13) Сескутова И.К. «Интертекстуальность как текстовая категория (на материале современной англоязычной публицистики)» Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. - Вып.6(639). Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы (Часть II). - 2012.

14) Фадеева Г.М. «Аллюзии в межкультурной коммуникации» Сб.науч.трудов./МГЛУ.Вып.(6) Коммуникативная лингвистика. М.,1997.

15) Флорин С. «Муки переводческие» М: Высшая школа, 1983.

15) Шулежкова С. «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» – М.: Азбуковник, 2001

Список использованных словарей

- 1) Большой энциклопедический словарь, Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
- 2) Словарь литературоведческих терминов, ред. С. П. Белокурова. – М., 2005.
- 3) Романова Н. Н. «Стилистика и стили». – М.: Флинта, 2012.
- 4) Москвин В. А. Терминологический словарь. Тропы и фигуры. Выразительные средства современной русской речи. – М.: Феникс, 2007.
- 5) Rosemary Ellen Guiley. The Encyclopedia of Angels, Second Edition. Copyright © 2004 by Visionary Living, Inc.
- 6) Rosemary Ellen Guiley. The Encyclopedia of Demons and Demonology. Copyright © 2009 by Visionary Living, Inc.
- 7) Encyclopedia of Occultism and Parapsychology. Edited by J. Gordon Melton. – 2001, Gale Group Inc.

Практическая часть

В начале.

В начале был отличный денек.

Все деньки были отличными – с Сотворения их набралось уже побольше семи, а дождь еще не изобрели. Но, судя по собирающимся над восточным краем Эдема свинцовым тучам, скоро должна была разразиться первая гроза – и гроза нешуточная.

Ангел-страж Восточных Врат прикрылся крыльями от первых капель.

– Прошу прощения, – сказал он вежливо. – Что-что им знатно?..

– Влетело им, говорю, знатно, – пробурчал змий.

– Ах да. Точно, – сказал ангел, которого звали Азирафал.

– Честно говоря, мне все-таки кажется, что Он малость перегнул палку, – сказал змий. – Они же раньше ничего дурного не делали, мог бы и не давать высшую меру. И вообще, знать добро и зло – не понимаю, что тут такого?

– И все-таки это плохо, – рассудительно сказал Азирафал; судя по слегка озабоченному голосу, он тоже не понимал, что тут такого, и его это беспокоило. – Не будь это плохо, без тебя бы обошлись.

– Мне просто сказали: двигай туда и устрой что-нибудь нехорошее, – сказал змий, которого звали Криули. Имя свое он подумывал сменить: змий считал, что звучит оно как-то криво.

– Да, но ты же демон. На добрые дела ты, наверно, вообще не способен, – сказал Азирафал, – это, по идее, противно твоей натуре... Ну, я не про тебя лично, а вообще про демонов.

– Но согласись, вышло все как-то не слишком постановочно... Ткнул пальцем в Древо и громко сказал: «Руками не трогать!». Грубовато сработано, а? Почему бы, скажем, не вырастить его на самой вершине горы, или про-

сто в какой-нибудь несусветной дали? Невольно задаешься вопросом: а что же все-таки у Него на уме?

– Лучше об этом не думать... Я всегда говорил: непостижимость не постигнешь! Просто есть Правильное, а есть Неправильное. И если тебе велят поступить Правильно, а ты поступаешь Неправильно, то заслуживаешь наказания. Кхм.

Воцарилась неловкая тишина; некоторое время ангел и демон молча смотрели, как под каплями первого дождя трепещут первые лепестки первых цветов.

– Слушай, а у тебя разве меча пламенного не было? – спросил наконец Криули.

– Эмм...

На лице ангела промелькнуло виноватое выражение – промелькнуло, потом вернулось и расположилось поудобнее.

– Точно был, такой пламенный, что пламенной некуда.

– Эмм, ну...

– Внушительная была штука.

– Да, хм, я...

– Неужто потерял?

– Что ты, нет! Не, не совсем, скорее...

– Так что же?

Азирафал нахмурился.

– Раз уж тебе так интересно, – сказал он с легким раздражением, – я его отдал.

Криули вытаращился на него.

– Не мог я по-другому, – сказал Азирафал, пряча глаза, – они, бедолаги, так мерзли, и она уже ребеночка ждала... А там – и дикие звери, и гроза! Я и подумал – а, собственно, почему бы и нет? Вот и говорю им: слушайте, мол, если вы сюда вернетесь, то тут шумиха будет Бог знает какая... А меч вам, может, пригодится, так что вот, держите... Нет-нет, не стоит благодарно-

сти... Пожалуйста, уходите побыстрее, а то будет тут нам всем по десять казней каждому.

Он озабоченно улыбнулся.

– Я ведь поступил по-доброму, да?

– Да ладно, на злые дела ты, наверное, вообще не способен, – язвительно сказал Криули, но Азирафал не обратил внимания на его тон.

– Надеюсь, ты прав... Ох, как надеюсь. Весь день себе места не нахожу.

Они помолчали.

– Забавно, – протянул Криули, – а вдруг из этой затеи с яблоком выйдет что-то доброе? Не к добру это, когда демон доброе дело делает, – он чуть толкнул ангела локтем в бок. – Вот потеха будет, если мы оба просчитались, а? Если выйдет, что я правильно поступил, а ты – нет.

– Нет, не будет потехи, – ответил Азирафал.

Криули посмотрел в сторону.

– Ты прав, – сказал он уже серьезно, – не будет...

Эдем укрыло аспидно-черной завесой. В холмах гремел гром, и все твари земные, только-только получившие наименования, дрожали от страха.

Где-то далеко в лесу, где листва шелестела под каплями дождя, мелькало что-то яркое, огненно-красное.

Ночь обещала быть темной и мрачной.

Одиннадцать лет тому назад.

Согласно современным теориям происхождения Вселенной, мир был создан – если он вообще был создан, а не возник сам по себе без всякого участия вышестоящих лиц – 10-20 тысяч миллионов лет тому назад. Возраст Земли же эти теории определяют примерно в 4 500 000 000 лет.

Это заблуждение

Средневековые ученые-каббалисты называли датой сотворения мира 3760-й год до Рождества Христова; греческие православные теологи отодвинули ее до 5508-го.

Это тоже заблуждение.

В 1654-м году Архиепископ Армахский Джеймс Ашшер (1580 – 1656) опубликовал свой труд по библейской хронологии «*Annales Veteris et Novi Testamenti*»*, в котором предположил, что Сотворение мира состоялось в 4004-м году до нашей эры. Один из его последователей продолжил исчисления и с гордостью объявил, что Сотворение имело место 21-го октября 4004-го года до Рождества Христова, в воскресенье, ровно в 9:00, потому что Господу нравилось работать по утрам, когда Он свеж и бодр.

И это тоже заблуждение. Сотворение свершилось на целых пятнадцать минут раньше.

Всякие там окаменевшие останки динозавров – это была просто шутка. Но палеонтологи не поняли юмора.

Из всего этого следуют два вывода.

Во-первых, прямому пути Господь предпочитает окольный – а точнее, неисповедимый. Он не играет со вселенной в кости – нет, Он играет в Свою собственную непостижимую игру. С точки зрения любого другого игрока (то есть, всех, кроме Господа) она чем-то напоминает партию в очень своеобразный покер. Причем игра идет в темной комнате, карты на столе ненуж-

* «*Анналы Ветхого и Нового Заветов*». Прим. пер.

ные ставки ничем не ограничены, а сдающий мало того что отказывается объяснить правила игры, так еще и *постоянно улыбается*.

Во-вторых, по гороскопу наша планета – Весы.

В газете «Тэдфилдские вести» есть ежедневная колонка «Что говорят звезды». В тот день, когда началась эта история, Весам звезды говорили следующее:

Весы (24.09 – 22.10)

Вы можете почувствовать сильное утомление и усталость от. тоскливой повседневности. Проблемы дома и на семейном фронте требуют повышенного внимания и ложатся на ваши плечи тяжелым бременем. Избегайте ненужных рисков. У вас может появиться потребность в дружеском участии. Важные решения стоит отложить, пока ваши горизонты не расчистятся. Возможно, сегодня у вас возникнут неприятности с желудком, так что от салатов следует воздержаться. Помощь может прийти с неожиданной стороны.

Все, кроме предостережения о салатах, было абсолютно верно.

Нет, эта ночь не была одной из тех темных и мрачных ночей, с которых обязана начинаться любая уважающая себя темная и мрачная история.

Погода, что с нее возьмешь. Один сумасшедший ученый дергает за рычаг под подобающе зловещие раскаты грома, и чудовище на столе открывает глаза... А еще двенадцать безумцев от науки маются без дела под звездным небом, пока их горбатые ассистенты высчитывают надбавку за сверхурочные.

Но пускай туман (а также дождь ближе к утру и легкое похолодание) вас не обманут: хотя ночь выдалась ясная, это не значит, что вы в безопасно-

сти. Темные силы все равно бродят по миру; они бродят по миру в любое время и в любую погоду. Они *повсюду*. Они *всегда* повсюду.

В том-то вся штука.

Две такие темные силы зловеще таились на заброшенном кладбище. Две призрачные фигуры – одна коренастая и скрюченная, вторая худая и грозная. Если бы на Олимпийских играх состязались в умении зловеще таиться, то эти двое боролись бы за золото; если бы после суперхитового «Рожденного бежать» Брюс Спрингстин решил записать альбом «Рожденные зловеще таиться», то они непременно красовались бы на обложке. Зловеще таились они уже целый час, и таились обстоятельно, с толком, сберегая силы – если что, зловеще таиться они смогли бы всю ночь напролет, да еще бы на последнее предрассветное затаивание хватило бы зловещести.

Еще двадцать минут спустя одна темная сила раздраженно сказала:

– Да где его вообще носит? Этот гад должен был приехать давным-давно!

Сказавшего это звали Хастур. Он был герцогом ада.

Многие явления вроде войны, чумы или неожиданного визита налоговой инспекции люди принимают за свидетельства тайного вмешательства Сатаны в дела рода человеческого. Но все знатоки демонологии сходятся во мнении, что одно из главных деяний Врага – это Лондонская кольцевая автомагистраль M25.

В одном они заблуждаются: им кажется, что сатанинская магистраль была создана нечистым сугубо ради того, чтобы каждый день вызывать у водителей невероятную злобу и ярость.

Лишь немногим известно, что магистраль M25 образует собой знак *одегра* из тайного алфавита Черного Жречества Древнего Му и на самом деле означает «Хвала великому Зверю, пожирателю миров». Тысячи автомобилей, которые каждый день ползут в клубах выхлопных газов по вьющейся змеей асфальтовой ленте, играют ту же роль, что и вращающаяся колесо тибет-

ской молитвенной мельницы вода. Их медленный поток питает знак силой и безостановочно загрязняет окружающую метафизическую среду на сотни миль вокруг выбросами низкопробного зла.

Магистраль M25 Кроули считал одним из своих главных достижений. Над ней он работал годами; помимо прочего, ему пришлось взломать три компьютера, совершить два незаконных вторжения, дать одну небольшую взятку и, когда все это не сработало, два часа ночью посреди размытого дождем поля возиться с разметочными колышками, которые нужно было переместить всего-то на пару жалких, но невероятно значимых с точки зрения оккультизма метров. Позже, глядя на первые тридцать миль асфальтового полотна, Кроули с гордостью почувствовал, что с этим дурным делом он справился более чем недурно.

Ему за нее даже благодарность объявили.

Сейчас Кроули мчался на скорости под 180 километров в час где-то к востоку от Слау. В облике его ничего особенно демонического не было – во всяком случае, по обычным меркам. Ни рогов, ни кожистых крыльев. Да, конечно, он слушал кассету «Лучшие хиты “Queen”», но из этого никаких выводов делать не стоит: все кассеты, оставленные в машине недельки на две, таинственным образом превращаются в «Лучшие хиты “Queen”». Мысли у него в голове были тоже не особенно демонические: в тот момент, например, ему было слегка любопытно, о каких таких Моэ и Шандо поет Фредди Меркьюри, и что они делают у соблазнительной королевы в серванте.

Волосы у Кроули были черные, скулы – низкие и плоские. Он нигде не снимал с ног туфли из змеиной кожи – вернее, то, что казалось туфлями. Язык у него был длинный и гибкий, и он умел выделять им всякие нехорошие штуки. А еще, когда Кроули забывался, он иногда начинал шипеть. Моргал он, кстати, очень редко.

Ехал он на раритетном черном «бентли» 1926-го года, у которого за всю жизнь был всего один владелец – сам Кроули. Об этом-то он позаботился.

Опаздывал он по той простой причине, что ему очень нравился двадцатый век. Он был лучше, чем семнадцатый, и уж куда лучше, чем четырнадцатый. Кроули всегда твердил, что любит Время за то, что с каждой секундой оно уносит его все дальше и дальше от четырнадцатого века – самого, черти бы его побрали, скучного века на, простите за выражение, Божьем свете. А вот двадцатый век – другое дело: совсем не скучный. Кстати, в зеркале заднего вида уже почти с минуту мигал синий огонек. За Кроули гнался автомобиль с двумя людьми, которые были не прочь сделать двадцатый век для него еще интересней.

Он покосился на часы. Эти часы были предназначены для тех богатых аквалангистов, которые хотят знать время в двадцати одной столице мира, находясь на дне морском.*

«Бентли» слетел по съезду, вписался в поворот, лихо встав на два колеса, и нырнул на усыпанную опавшими листьями дорожками. Синяя мигалка не отставала.

Кроули вздохнул, убрал с руля одну руку и, обернувшись, проделал весьма замысловатый жест.

Свет мигалки понемногу тускнел: машина по инерции проехала еще несколько метров и, к немалому удивлению сидевших в ней, остановилась. Впрочем, еще большее изумление они испытали, когда открыли капот машины и увидели, во *что* превратился ее двигатель.

На кладбище Хастур, высокий демон, передал окурок Лигуру, демону пониже ростом, таильщику более искусному и зловещему.

– Вижу огни, – сказал он. – Вот он – едет, наконец, пижонище чертов.

– А на чем это он едет? – спросил Лигур.

* Эти часы сделали по личному заказу Кроули. Один маленький чип по личному заказу – вещь невероятно дорогая, но Кроули мог себе это позволить. Его часы показывали время в двадцати столицах мира, и еще одной столице мира иного, где время вообще не идет: там всегда «слишком поздно».

– Это – автомобиль, безлошадный экипаж, – объяснил Хастур. – Когда ты был здесь в последний раз, их, наверно, еще не было. По крайней мере, так сказать, в личном пользовании.

– А уголь в топку кто бросает?

– Наверно, что-нибудь придумали.

– А что за птица-то вообще этот Кроули?

Хастур сплюнул.

– Торчит здесь слишком долго. С самого Начала. Стал, понимаешь, совсем как здешние. У него даже телефон в машине есть.

Лигур задумался. Его познания в технологии, как и у большинства демонов, были весьма ограниченными. Когда «бентли» затормозил у ворот кладбища, он как раз собирался сказать что-нибудь в духе: «Ну и длиннющий там должен быть провод».

– А еще он постоянно носит очки от солнца, – презрительно усмехнулся Хастур. – Даже в темень не снимает...

– Слава Нечистому! – сказал он уже погромче.

– Слава Нечистому! – поддержал Лигур.

– Привет, – сказал Кроули, помахав им рукой, – извините, что опоздал, на А-40 опять сами знаете что, я попробовал срезать по трассе к Шорли Вуд, а потом...

– А *сейчас*, – сказал Хастур со значением, – когда мы в сборе, настало время возвещать дела наши!

– Точно. Дела, – сказал Кроули слегка виноватым голосом человека, который несколько лет не ходил на церковные службы и забыл, когда именно нужно перекреститься.

Хастур откашлялся.

– Я ввел во искушение священника, – сказал он. – Он шел по улице и увидел красивых девушек – и тогда я посеял в нем Сомнение. Он мог бы стать святым, но еще лет десять – и он будет наш.

– Отлично! – услужливо сказал Кроули.

– Я подтолкнул чиновника ко греху, – сказал Лигур. – Я внушил ему мысль, что от одной маленькой взятки хуже никому не станет. Еще год – и он будет наш.

Они оба с ожиданием посмотрели на широко улыбающегося Кроули.

– Это было нечто, – заговорщически сказал он.

Его улыбка стала еще шире.

– В обед я перепутал номера всех сотовых телефонов Центрального Лондона на целых сорок пять минут.

На кладбище воцарилась тишина, прерываемая только приглушенным шумом пронесшихся за оградой машин.

– И? – спросил Хастур, – а потом?

– Думаете, это так легко? – возмутился Кроули.

– Только перепутал, и все? – поинтересовался Лигур.

– Послушайте-ка, ребята –

– И каким это образом сие должно ввести невинные души во грех? – осведомился Хастур.

Кроули взял себя в руки.

Вот как, как им объяснить? Сказать, что двадцать тысяч человек разозлились до чертиков? Что скрежет зубовный было слышно даже из пригорода? Что потом эти двадцать тысяч выместили злость на своих секретарях, или инспекторах дорожного движения, или на ком-нибудь еще, и те потом тоже выместили злость на других? Из чистой мстительности сделали кому-нибудь мелкую пакость, которую – и в том-то вся штука – они придумали сами. И так – весь остаток дня. Принцип домино в действии: многие тысячи душ покрываются налетом – а ты и пальцем не пошевелил.

Но нет, демонам вроде Хастура с Лигуром такое не объяснишь. Эти намертво застряли в четырнадцатом веке. Тратят целые годы на одну душу. Возможно, это и искусство, но в наши дни нужно работать по-другому. Души нужно поставлять оптом. В мире пять миллиардов людей – нельзя разбираться с каждым гаденышем по одиночке, тут надо действовать глобально. Толь-

ко вот демонам вроде Хастура и Лигура это не понять. Они бы, например, в жизни не придумали бы такую замечательную пакость, как телевидение на валлийском. Или НДС. Или Манчестер.

О да, Манчестер ему действительно удался.

– Наверху, кажется, довольны, – сказал Кроули. – Снизу, в смысле.

Мир меняется. Ну ладно, а теперь что по плану?

Хастур наклонился и что-то достал из-за надгробия.

– А вот что, – сказал он.

Кроули с ужасом посмотрел на корзинку в руке Хастура.

– Нет! – выдохнул он. – Только не это!

– Да, – усмехнулся Хастур, – только это...

– Уже пора?..

– Да.

– И, эм, это я должен?..

– О да! – Хастур наслаждался происходящим.

– Но почему я? – спросил Кроули с отчаянием в голосе, – Ты же знаешь, Хастур, я в эти игры не играю...

– Играешь-играешь, – заверил его Хастур. – У тебя главная роль. Бери корзину. Сам сказал, мир меняется.

– Меняется, ага, – ухмыльнулся Лигур. – И для начала он закончится.

– Но почему именно я?

– Ты, видать, в особом фаворе, – со злобой сказал Хастур. – Лигур за такой шанс руку бы отдал.

– Да, руку отдал бы, – сказал Лигур. По крайней мере, чужую, добавил он про себя. Чужую-то не жалко, чужих еще пруд пруди – а вот своих всего две.

Хастур извлек из мрачных глубин своего плаща папку с бумагами.

– Подпись. Здесь, – сказал он, сделав между словами зловещую паузу.

Кроули порылся во внутреннем кармане и достал ручку. Ручка была цвета «черный металлик», гладкая и обтекаемая. Казалось, на ней можно выигрывать уличные гонки.

– Ручка – блеск, – сказал Лигур.

– Под водой даже пишет, – пробормотал Кроули.

– Чудеса... Что-то они еще придумают.

– Не знаю, но думать им придется побыстрее, – проворчал Хастур. – Да нет, не Э. Дж. Кроули! Тут нужно *настоящее* имя.

Кроули страдальчески кивнул и начертил на бумаге витиеватый знак, который коротко полыхнул багрянцем и исчез.

– А что мне с этим-то делать прикажете? – спросил он.

– Тебя проинструктируют, – Хастур нахмурился. – Чего мрачный такой, а, Кроули? Наступает то, ради чего мы трудились сотни лет!

– Как же, как же... – пробормотал Кроули. Сейчас в нем не было почти ничего от того самоуверенного, похожего на сытого тигра Кроули, который очень тигристо вышел из салона «бентли» всего пару минут назад. Теперь тигра поймали в клетку.

– Грядет эпоха нашего триумфа – эпоха длиной в вечность!

– Вечность. Верно, – промямлил Кроули.

– И ключ к этой славной эпохе – в твоих руках!

– Да-да, ключ... – выдавил Кроули, поднимая корзинку с таким видом, будто в ней лежала самая мощная в мире бомба. Впрочем, образно выражаясь, так оно и было.

– Ну, я пошел тогда... Хорошо? Отделаться бы от этого побыстрее... – он вспомнил, что может случиться, если в своем отчете Хастур отзовется о нем неодобрительно, и поспешно поправился. – Нет, в смысле, исполнить предначертанное – вечный триумф там, всякое такое. Вы же меня знаете. Рад служить.

Старшие демоны молчали.

– Мне пора, – бормотал Кроули. – Бывайте, ребята... Хмм... Пока. Ну, да. Ладно. Чао!

Когда «бентли» нырнул в темноту, Лигур спросил:

– А что это значит?

– Это по-итальянски, – ответил Лигур. – «Еда», что ли.

– К чему это он? – Лигур смотрел вслед удаляющемуся автомобилю. –

Ты ему доверяешь?

– Не-а, – ответил Хастур.

– И правильно, – сказал Лигур. Странное бы вышло дело, если б демоны вдруг начали доверять друг другу.

Несясь сквозь ночь где-то к востоку от Амершама, Кроули наугад взял кассету и извлек ее из хрупкой пластиковой коробки, стараясь при этом не вылететь на обочину. В свете фар встречной машины он различил название – «Времена года» Вивальди. Приятная успокаивающая музыка, в самый раз.

Он вставил кассету в магнитоу.

– Ну почему, почему, почему именно сейчас? Почему я? – бормотал он под журчание музыки «Квин».

И Фредди Меркьюри вдруг ответил: ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЭТО ЗАСЛУЖИЛ, КРОУЛИ.

Кроули тихо, но с выражением помянул всех святых. Это он предложил пользоваться электроникой для связи, и ребятам снизу его идея в кои-то веки пришлась по вкусу – только вот исполнение, как всегда, было ни к черту. Он надеялся, что ему удастся убедить их подключиться к «Селлнету», но вместо этого они просто влезали в музыку, которую он слушал.

Кроули поперхнулся.

– Благодарю тебя, Владыка, – сказал он магнитоле.

МЫ ВЕРИМ В ТЕБЯ, КРОУЛИ.

– Спасибо, Владыка.

ЭТО ВАЖНОЕ ДЕЛО, КРОУЛИ.

– Знаю-знаю.

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ДЕЛО, КРОУЛИ.

– Положись на меня, Владыка.

МЫ ТАК И ПОСТУПИМ, КРОУЛИ. И ЕСЛИ ДЕЛО СОРВЕТСЯ, ТО ВСЕХ ПРИЧАСТНЫХ ЖДУТ АДСКИЕ МУКИ В ГЕЕНЕ ОГНЕННОЙ. ДАЖЕ ТЕБЯ, КРОУЛИ. ОСОБЕННО ТЕБЯ.

– Я понимаю, Владыка.

ВОТ ТВОИ ИНСТРУКЦИИ, КРОУЛИ.

И Кроули все узнал. Таких штук он терпеть не мог. Можно же просто сказать – зачем вместо этого вот так вот бесцеремонно запикивать противные, пробирающие до костей сведения ему в голову? Езжай в такую-то больницу, Кроули – и все дела...

– Буду на месте минут через пять, Владыка.

ХОРОШО. *Вижу тонкий силуэт: Скарамуш, Скарамуш, ты станцуеть фанданго?..**

Кроули в сердцах хлопнул по рулю. Все ведь шло так здорово, просто как по маслу. Вот так всегда: сначала кажется, что жизнь прекрасна, а потом вдруг – раз! – Армагеддон, получите и распишитесь! Великая Битва, Последнее Сражение. Небеса против Ада, три раунда, никакой добровольной сдачи, проигравший будет навеки низвержен с ринга. И все. Мира больше нет. Это и есть конец света – мира больше нет, есть только бесконечный Рай или Ад. Смотря кто победит. Кроули даже не знал, что будет хуже.

Нет, хуже-то, конечно, Ад – просто по определению. Но Кроули бывал в Раю, и помнил, что кое-что общее с Адом у него все-таки есть. Например, ни там, ни там не найдешь пристойной выпивки. Да и потом, в Раю Кроули было слишком скучно, в Аду – слишком весело...

Но никуда не денешься. Демоны свободой воли не располагают.

*...Я тебя не отпущу (отпусти, отпусти)**

* Цитаты строк из песни «Богемская рапсодия» группы «Квин». *Прим. пер.*

Что ж, все хотя бы случится не в этом году. Есть еще время сделать пару-тройку дел. Для начала, отозвать все долгосрочные вклады.

А что если остановить машину у обочины этой пустынной мокрой дороги, взять корзинку, размахнуться хорошенько, бросить ее в темноту и...

А ничего хорошего не будет, вот что.

Когда-то он был ангелом. Падать не собирался. Просто связался с плохой компанией.

«Бентли» все гнал по ночной дороге; судя по датчику уровня топлива, бак был пуст. Пустовал он уже лет шестьдесят, а то и больше. Все-таки, у демонов свои преимущества. Например, не нужно тратить на горючее. Кроули единственный раз в своей жизни заправил бак в 1967-ом, когда за это давали бесплатные фирменные наклейки на лобовое стекло в виде дырок от пуль а-ля Джеймс Бонд. Наклейки ему понравились.

На заднем сидении существо в корзинке громко заплакало; салон наполнил истошный, как вой сирены воздушной тревоги, рев новорожденного младенца. Высокий. Бессловесный. И старый, как мир.

«А больница-то ничего себе», – подумал мистер Янг. Если бы не монашки, то тут было бы еще и тихо.

Он ничего не имел против монашек. Нет, он вовсе не был каким-нибудь католиком. Ничего подобного – мистер Янг был верен настоящей церкви, англиканской, и с достойным уважением постоянством не ходил в церковь святой Кикилии Римской и Небесных Сил. Не ходить в какую-нибудь другую церковь он не стал бы ни за что. Во всех остальных церквях был какой-то дурной запахок – запах мастики для натирания полов у англиканцев протестантского толка и слегка подозрительный запах ладана у тяготеющих к католицизму. Где-то в глубине своей души, солидной и скрипучей, как кожаное кресло, мистер Янг чувствовал, что Господа такие вещи немного смущают.

Но ему нравилось смотреть на снующих вокруг монашек – точно так же, как ему нравилось смотреть на парады Армии Спасения. Глядишь на них и чувствуешь, что все в порядке, что есть еще люди, благодаря которым мир вращается вокруг своей оси.

Впрочем, это была его первая встреча с Неумолкающим Орденом Святой Бериллы^{*}. Кажется, Дидре сталкивалась с ними, когда ездила в очередную командировку. В ходе этой командировки ей, помнится, пришлось иметь дело с толпой не самых приятных латиноамериканцев, которые воевали с другой толпой не менее неприятных латиноамериканцев. Наверняка там не обошлось и без священников, которые вместо того, чтобы заниматься обычными священническими делами – например, решать, кто из служек сегодня будет мыть полы, – науськивали эти толпы друг на друга.

Монашки все-таки должны вести себя потише. У них даже одежда к этому располагает: мистер Янг никак не мог отделаться от впечатления, что покрывало на голове вообще-то должно служить для звукоизоляции. Нет, все-таки люди в такой одежде не должны, скажем прямо, болтать без умолку. Он набил трубку отвратным зельем, которое кто-то по ошибке назвал табаком; этот самый кто-то, как считал мистер Янг, о старом добром табаке не имел ни малейшего представления. Интересно, а что будет, если спросить у какой-нибудь монашки, где здесь мужская уборная?.. Наверное, получишь выговор от Папы Римского, или что-то в этом духе. Он поерзал в кресле и глянул на часы.

Одно хорошо: монашки строго-настрого запретили ему присутствовать при родах. А то Дидре хотелось, чтобы он торчал с ней в палате. Опять всякой всячины начиталась. Стоило ей забеременеть, как она уже объявляет,

^{*} Святая Берилла Балаболла из Кракова стяжала мученический венец в середине XV века. По преданию, юную Бериллу против ее воли помолвили с князем-язычником Казимиром. В свадебную ночь она обратилась к Господу с молитвой, прося Его о заступничестве. Она думала, что у нее чудесным образом отрастет борода, и даже припасла на этот случай небольшую дамскую бритву с рукояткой из слоновой кости – но вместо этого Господь в милости Своей даровал ей чудесную способность болтать обо всем, что приходит ей на ум (какая бы тарабарщина в итоге ни получалась), без умолку и без перерывов на обед.

что роды – это самый прекрасный и радостный момент в жизни семейной пары, который они обязаны разделить. Вот что бывает, когда разрешаешь жене выписывать те газеты, которые она захочет. К прессе, в которой были разделы вроде «Стиль жизни» или «Альтернативное решение», мистер Янг не питал никакого доверия.

Нет, он ничего не имел против того, чтобы делить прекрасные и радостные моменты. Кто спорит: делить прекрасные и радостные моменты – это хорошо. Наверное, если бы люди почаще делили прекрасные и радостные моменты, то жилось бы им прекрасней и радостней. Но он ясно и недвусмысленно дал понять, что именно этот прекрасный и радостный момент Дидре может оставить себе целиком.

Монашки его поддержали. Они считали, что отцам в палате роженицы не место. Раз уж на то пошло, подумал мистер Янг, они, возможно, считали, что отцы к родам в принципе не должны иметь никакого отношения.

Он закончил набивать трубку так называемым табаком и посмотрел на небольшую табличку, висящую на стене в приемной. Табличка гласила, что для его же собственного блага курить в приемной не разрешается. Мистер Янг решил, что для своего же собственного блага он пойдет покурить на крыльце. А если рядом с крыльцом еще и обнаружится кустик-другой, то его же собственному благу это немало поспособствует.

Побродив по пустынным коридорам, он нашел выход во дворик, где шел дождь и были везде понатыканы праведные мусорки.

Он поежился и, зажигая спичку, прикрыл огонек рукой.

С женами в определенном возрасте такое бывает. Двадцать пять лет идеального брака, а потом вдруг – бабах! И начинается: всякие упражнения в розовых гетрах без пяток, больше похожие на движения какого-нибудь робота, упреки, что из-за тебя ей никогда не приходилось зарабатывать на жизнь... Гормоны, наверное.

У мусорок резко затормозила большая черная машина. Из машины выскочил молодой человек в темных очках. Держа в руках что-то вроде переносной колыбели, он скользнул ко входу.

Мистер Янг вынул трубку изо рта.

– Извините, вы не выключили фары, – вежливо сказал он.

Молодой человек смерил его пустым взглядом; кажется, в тот момент фары его беспокоили меньше всего на свете. Потом он махнул рукой в сторону «бентли». Фары погасли.

– Удобно, – оценил мистер Янг. – На инфракрасном, да?

Его слегка удивило, что молодой человек, кажется, абсолютно не промок. И то, что в колыбели, кажется, кто-то лежал, его тоже удивило.

– Началось? – спросил молодой человек.

Мистер Янг ощутил легкий приступ гордости из-за того, что в нем было так легко признать родителя.

– Да, – сказал он и довольно добавил, – меня выставили.

– Что, уже? И сколько у нас еще времени?

У нас, отметил про себя мистер Янг. Кажется, у доктора были свои взгляды на обязанности родителей.

– Да вроде, хм, продвигаемся помаленьку, – сказал он.

– Палата какая? – поспешно спросил молодой человек.

– Мы в третьей, – ответил мистер Янг. Он похлопал себя по карманам и обнаружил в одном из них помятую пачку сигар, которыми он, как и принято при рождении сына, должен был кого-нибудь угостить.

– А не выкурить ли нам в этот прекрасный и радостный момент по сигаре? – предложил было он, но молодого человека во дворе уже не было.

Мистер Янг убрал пачку и задумчиво посмотрел на трубку. Ох уж эти доктора – вечно спешат... Работают, как проклятые.

Некоторые умельцы на улицах показывают фокус с горошиной и тремя чашками, уследить за которыми очень непросто. Нечто подобное вот-вот и

произойдет – только на кону не пара-тройка мелких монет, а нечто намного более великое.

Последующие события будут описаны в замедленном темпе, чтобы было проще разобраться, в чем здесь трюк.

Миссис Дидре Янг рожает в палате номер три. У нее родится златокудрый мальчуган, которого мы назовем ребенком А.

Жена американского атташе по культуре, миссис Генриетта Даулинг, рожает в палате номер четыре. У нее родится златокудрый мальчуган, которого мы назовем ребенком Б.

Сестра Мэри Говорилсон с самого рождения была дьяволобоязненной сатанисткой. В детстве она ходила в шабашную школу вместо воскресной, и там даже получала черные звездочки за лучший в классе почерк и самое точное гадание по печени. Когда ей велели вступить в Неумолкающий орден, она подчинилась без возражений. Во-первых, обет болтания в силу природного к нему таланта ее ничуть не тяготил. Во-вторых, она знала, что будет среди друзей. Когда нужно, она демонстрировала довольно острый ум... Но давным-давно усвоила, что (как сама говорила) растяпам по жизни идти легче. Прямо сейчас ей передают третьего златокудрого мальчугана, которого мы назовем Врагом рода человеческого, Низвегателем Царей, Ангелом Бездны, Великим Зверем, что зовется Драконом, Князем мира сего, Отцом Лжи, Исчадьем Сатаны и Владыкой Тьмы.

Смотрите внимательней – за чашечками трудно уследить...

– Это он? – спросила сестра Мэри, с восторгом глядя на ребенка. – Я думала, глаза будут другие. Красные там, зеленые. Или такие масенькие-масыенькие копытца. Или хвостик.

Болтая, она осматривала дитя со всех сторон. Нет, рогов тоже не обнаружилось. Ребенок был чудовищно нормальный.

– Да, это он, – ответил Кроули.

– Подумать только, у меня на руках – Антихрист, – сказала сестра Мэри. – И я его купаю... И считаю пальчики у него на ножках...

Теперь она обращалась к ребенку; Кроули из ее мира будто выпал. Ему даже пришлось помахать рукой у нее перед носом.

– Сестра Мэри! Сестра!

– Простите, сэр. Он такой пупсичек! Интересно, а он похож на папочку? Конечно, да... Кто у нас похож на папусечку...

– Не похож, – твердо сказал Кроули. – И на твоём месте я бы поживей шел в палаты.

– Как думаете, сэр, он меня не забудет, когда вырастет? – с легкой надеждой спросила сестра Мэри, уплывая по коридору.

– Молись, чтобы забыл, – сказал Кроули и поспешил исчезнуть.

Сестра Мэри шла по ночной больнице, прижимая к груди Врага рода человеческого, Низвергателя Королей, Ангела Бездны, Великого Зверя, что зовется Драконом, Князя мира сего, Отца Лжи, Исчадьё Сатаны и Владыку Тьмы. Найдя кровать, она уложила его на простыни.

Он довольно агукнул. Она его пощекотала.

Из палаты высунулась голова почтенной дамы лет за сорок.

– Сестра Мэри, – сказала голова, – что ты здесь делаешь? Ты разве не должна быть в четвертой палате?

– Но мистер Кроули сказал...

– Иди, иди, будь умницей. Ты мужа, кстати, нигде не видела? В приемной его нет.

– Я видела только мистера Кроули, и он мне сказал...

– Сказал он, не сомневаюсь, – твердо сказала сестра Грейс Болтушкинг.

– Пойду-ка я все-таки поищу этого мужлана... Поди пригляди за ней. Она сама дремлет пока, но с ребенком все в порядке.

Сестра Грейс помолчала.

– Почему ты моргаешь? – спросила она. – В глаз попало что?

– Сама знаешь! – лукаво прошептала сестра Мэри. – Дети! Подмена...

– Да-да-да... Всему свое время. Но муж-то тут бродить не должен, а?

Подсмотрит еще. Так что пригляди пока здесь за младенцем, будь лапочкой.

И сестра Грейс удалилась по сверкающему чистотой коридору. Сестра Мэри, толкая перед собой коляску на колесиках, вошла в палату.

Миссис Янг не дремала – она крепко спала с довольным видом человека, который знает, что в кой-то веки суетиться будет кто-то другой. Рядом с ней спал ребенок А. На пальчике у него висела бирка с именем и весом. Сестра Мэри, которую с детства приучали к аккуратности, осторожно сняла бирку, переписала имя и цифры на другую, и повесила получившуюся копию на пальчик второму младенцу.

Дети были очень похожи друг на друга: оба – крохотные, у обоих кожа в пятнах, и оба чем-то неуловимо смахивают на Уинстона Черчилля.

«Ну а теперь, – подумала сестра Мэри, – самое время выпить чашечку чая».

Почти все монашки в монастыре были старомодными сатанистами, как их деды и прадеды. Их так воспитали; по сути, особенно злыми они и не были. Люди вообще по природе не особенно злые. Иногда они увлекаются какой-то новой идеей, например, надевать черные кителя с черепами в петлице и стрелять в людей, или одеваться в белые простыни и линчевать людей, или надевать яркую одежду и совать цветы в дула винтовок, нахально мешая другим людям стрелять в людей. Дай только учение и костюм к нему, и людские умы и сердца – твои. Но кто впитывает сатанизм с молоком матери, до такого кровопийства не доходит. Поклонение дьяволу становится просто способом скоротать субботний вечерок. А всё остальное время – живешь себе, как остальные. Кроме того, сестра Мэри была сиделкой, а все сиделки, вне зависимости от избранного учения, в первую очередь все-таки сиделки. То есть, кроме прочего, они носят часы на обратной стороне запястья, никогда не теряют головы и постоянно мечтают о чашечке чая. Сестре Мэри очень хотелось, чтобы ее поскорей подменили: дело она сделала и свой чай заслужила.

Понять дела рода человеческого намного проще, если учесть, что у истока всех величайших трагедий и триумфов стоят не очень добрые или злые, а очень люди.

В дверь постучали. Сестра Мэри открыла.

– Ну что, все уже? – спросил мистер Янг. – Я отец. В смысле, муж. В смысле, муж и отец.

Сестра Мэри думала, что американский атташе по вопросам культуры будет похож на какого-нибудь седеющего плейбоя из мыльной оперы. Мистер Янг вообще не был похож ни на одного американца с экрана телевизора – кроме, разве что, добродушного шерифа из хорошего детективного сериала*. Он ее несколько разочаровал. Да и кардиган его был не ахти.

– Да-да, – ответила она, тщательно скрывая разочарование, – поздравляю вас. Ваша жена спит, бедняжка.

Мистер Янг заглянул ей через плечо.

– Близняшки? – спросил он.

Он достал трубку. Убрал ее обратно. Снова достал.

– Близняшки? – спросил он еще раз. – Про близняшек мне никто ничего не говорил.

– Нет-нет-нет, – поспешно сказала сестра Мэри, – ваш – вот этот. А вот этот... он... не ваш. Я просто приглядываю за ним, пока сестра Грейс не вернется. Нет-нет, – повторила она, указывая на Врага рода человеческого, Низвегателя Царей, Ангела Бездны, Великого Зверя, что зовется Драконом, Князя мира сего, Отца Лжи, Исчадь Сатаны и Владыку Тьмы, – вот этот ваш, точно-точно. От макушки до мясеньких копытец. Ну, если б они у него были.

Мистер Янг пристально посмотрел на младенца.

– Да, – сказал он с сомнением, – кажется, в меня пошел. Так что, эм... с ним все в порядке, да?

– В порядке, – ответила сестра Мэри и добавила, – вполне нормальный ребенок. Совсем-совсем нормальный.

Некоторое время они молча смотрели на спящего малыша.

* В котором еще сыщицу играет маленькая старушка, а в сценах с погонями машины едут не быстрее улиток.

– Вы говорите почти без акцента, – заметила сестра Мэри. – Наверное, уже давно здесь пробыли?

– Лет десять, – слегка удивленно ответил мистер Янг. – По работе переехать пришлось. Перевели в местное отделение.

– Интересная у вас, наверно, работа, – сказала сестра Мэри. – Просто дух захватывает!

Мистер Янг приосанился. Не всякому дано понять, каким захватывающим бывает бухучет издержек производства.

– На прошлом месте, наверно, у вас все было по-другому, – продолжала сестра Мэри.

– Пожалуй, да, – сказал мистер Янг, который об этом никогда особо не задумывался. Лутон, насколько он помнил, от Тэдфилда почти и не отличался. Такие же живые изгороди и железнодорожная станция. Да и люди такие же.

– Высотки, например, – безнадежно сказала сестра Мэри.

Мистер Янг посмотрел на нее с недоумением. Ему пришло на ум только одно высокое здание, лутонское отделение «Эллайэнс энд Лестер».

– И вас, наверное, каждый июнь в саду принимают? – спросила монашка с придыханием. За приглашение на июньский прием у королевы она отдала бы многое.

Ага, вот теперь он на твердой почве. Летние садовые вечеринки Дидре просто обожала.

– Конечно, да – с чувством сказал он. – Дидре специально готовит варенье, а я покупаю какой-нибудь подарок. Правда, вы знаете, так иногда раздражает, когда какой-нибудь слон раньше всех сметает закуски...

Сестра Мэри и подумать не могла, что в Букингемском дворце можно увидеть слона. Хотя, с другой стороны, куда в высшем свете без толстой кожи?

– Чего только монархам не дарят, – восхитилась она.

– Что, простите?..

– Понимаете, я обожаю королевскую семью, – объяснила сестра Мэри.

– Я тоже, – сказал мистер Янг, радостно перепрыгивая на новую плавающую льдину в ее бурном потоке сознания. Да, с королевской семьей всегда все понятно. По крайней мере, с теми ее членами, которые не покладая рук машут верноподданным и исправно режут ленточки. С теми, которые ночами пропадают на дискотеках и проливают коктейли на папарацци^{*}, уже нужно держать ухо востро.

– Ух ты... А я думала, ваш брат их не особо любит. Ну, война за независимость там, или когда чай в реку выкидывали...

Она не умолкала ни на минуту, свято соблюдая обет болтания ордена святой Бериллы. Мистер Янг уже отчаялся ее понять и не особенно следил за беседой. Наверно, в монастыре все становятся чудиками. Ему хотелось, чтобы Дидре проснулась поскорей. Но вдруг одно слово из болтовни сестры Мэри отозвалось в нем робкой надеждой.

– Скажите, – отважно спросил он, – а нельзя ли мне, если можно, чашечку чая, если вы не против?

– Господи, да о чем я только думаю? – всплеснула руками сестра Мэри. На этот вопрос мистер Янг отвечать не стал.

– Сейчас же сделаю, – пообещала он. – А кофе не хотите? Этажом выше есть этот, как его, продажный автомат.

– Мне все-таки чаю, пожалуйста, – сказал мистер Янг.

– Нет, в самом деле, вы совсем как местный, – весело сказала сестра Мэри, закрывая за собой дверь.

Оставшись наедине с одной спящей женой и двумя спящими младенцами, мистер Янг устало опустился на стул. Вот что значит вставать ни свет ни заря, молиться... Нет, и она, и все остальные монашки – люди, конечно,

* Стоит отметить, что, по мнению мистера Янга, слово «папарацци» означает разновидность итальянского линолеума.

хорошие, но немного non composit mentis^{*}, или как там говорится. Смотрел он как-то один фильм Кена Рассела, про монашек[†]. Здесь-то и в помине не было ничего из творившегося на экране... Но нет дыма без огня, верно?..

Он вздохнул.

Именно в этот момент ребенок А проснулся и изготовился хорошенько заплакать.

В последний раз мистер Янг успокаивал плачущего младенца много-много лет тому назад. У него это никогда особенно и не получалось. Он всегда уважал сэра Уинстона Черчилля, и хлопать пониже спины его уменьшенные копии казалось мистеру Янгу невежливым.

– Поздравляю с появлением на свет, – устало сказал он. – Однажды ты к нему привыкнешь.

Ребенок закрыл рот и посмотрел на мистера Янга, как Черчилль на взбунтовавшегося генерала.

Дверь открылась, и в палату зашла сестра Мэри с подносом. Хотя она и была сатанисткой, но по доброте душевной с чаем подала глазированное печенье на тарелочке. Такое печенье можно было найти только в некоторых чайных наборах. Мистеру Янгу досталась печенюшка нездорового розового цвета со снеговиком из белой глазури.

– Такого печенья у вас не продают, – сказала сестра Мэри. – А чай, небось, пьют только со льдом.

Мистер Янг хотел было сказать, что и в Лутоне лед и прочие гадости в чай не кладут, но тут в палату, задыхаясь, ворвалась, еще одна монашка.

Она посмотрела на сестру Мэри, потом на мистера Янга. Узнав в нем человека, который черной мессы и не нюхал, она ограничилась тем, что ткнула пальцем в ребенка А и подмигнула.

* Non compos mentis (лат. “не в здравом уме”) – термин в британском праве, обозначающий ситуацию, когда защита подсудимого объясняет его или ее поведение причинами религиозного или сверхъестественного характера. *Прим. пер.*

† Имеется в виду исторический фильм «Дьяволы», в котором, помимо прочего, демонстрируются якобы одержимые нечистым монахини. *Прим. пер.*

Сестра Мэри кивнула и подмигнула в ответ.

Монашка выкатила ребенка из палаты.

Подмигивание как способ общения очень многозначно. Простым подмигиванием можно сказать многое. Так, например, вошедшая в палату монашка имела в виду следующее:

Где тебя черти носят? Ребенок Б уже родился, мы готовы подменить детей – а ты тут преспокойненько пьешь чай в одной палате с Врагом рода человеческого, Низвергателем Царей, Ангелом Бездны, Великим Зверем, что зовется Драконом, Князем мира сего, Отцом Лжи, Исчадьем Сатаны и Владыкой Тьмы. Ты понимаешь, что с меня чуть голову не сняли?

Ответное подмигивание сестры Мэри она истолковала так: *Вот этот – Враг рода человеческого, Низвергатель Царей, Ангел Бездны, Великий Зверь, что зовется Драконом, Князь мира сего, Отец Лжи, Исчадьем Сатаны и Владыкой Тьмы. Говорить сейчас не могу, в палате чужак.*

А сестра Мэри, в свою очередь, решила, что подмигивание монашки означает следующее: *Умница, сестра Мэри – подменила детей сама! А теперь укажи мне на лишнего ребенка, и я заберу его и не стану больше мешать тебе пить чай с Его Королевским Превосходительством по Вопросам Культуры.*

И на самом деле ее подмигивание следовало понимать вот так: *Вон тот – лишний; а теперь, дорогуша, заведи его и дай мне еще поболтать с Его Превосходительством. Мне всегда хотелось спросить у него, зачем им эти здоровенные здания с зеркалами.*

Мистер Янг не понял тонкости этих тайных переговоров. Он был весьма смущен поведением монашек и подумал, что все-таки мистер Рассел был прав, ох, как прав...

Возможно, монашка бы и подметила ошибку сестры Мэри, если бы до этого ее не довели до белого каления люди из секретной службы в палате миссис Даулинг. Черные костюмы смотрели на нее с растущим подозрением. Их приучили определенным образом реагировать на длинные развевающиеся

одежды и длинные развевающиеся покрывала на голове, и при виде монашеских одеяний их система «свой – чужой» начала сбоить. А такие сбои до добра не доводят. Особенно людей с пистолетами, которые, к тому же, только что видели, как женщина рождает без обезболивающего и прочих препаратов, – явно очень не по-американски. А еще они слышали, что в монастырях есть какие-то служебники, и пытались выяснить, где они служат.

Мистер Янг встрепенулся.

– Как хотите назвать? – игриво спросила у него сестра Мэри.

– Хм? Еще не знаю. Если бы родилась девочка, то назвали бы Люсиндой, в честь моей матери. Или Герминой, так Дидре хотела.

– Сатанаил – имя неплохое, – сказала монашка, вспоминая книжки из школы, – или Дэмиан. Да, Дэмианами сейчас многие детей называют.

Анафеме Девайс^{*}, мама которой не особенно разбиралась в делах религиозных и вычитала где-то красивое имя для дочки, было восемь с половиной лет. Накрывшись одеялом с головой, Анафема с фонариком читала Книгу.

Другие дети учились читать по простеньким букварям, в которых были нарисованы абрикосы, баранки, вишни и так далее. Но в семье Девайсов таких книжек не водилось. Анафема училась читать по Книге.

В Книге не было никаких абрикосов и баранок. Зато там была красивая гравюра XVIII века, на которой сжигали привязанную к столбу Агнесс Наттер, причем она этим, кажется, ничуть не огорчена.

Сначала Анафема научилась узнавать слово «точный».

Потом она научилась читать слово «замечательный». Очень немногие дети в ее возрасте знают, что это слово соотносится со словом «замечать», и потому может значить «подробный и детальный».

Самый первый прочитанный ею вслух абзац звучал так:

^{*} Жанетт Девайс и Элис Наттер – женщины, в 1612-м году обвиненные в черной магии. Их имена фигурировали в одном из самых громких судебных процессов подобного рода за всю историю Англии. *Прим. пер.*

«Внемлите, люди, ибо я реку истину. Придут четверо, и с ними – еще Четверо, и Трое поскачут меж небом и землей, и Один поскачет во пламени; ни твари морские, ни дождь, ни пламень, ни Дьявол, ни Ангел не остановят их. И еще придешь ты, Анафема!»

Анафеме нравилось читать про себя.

(Чтобы пробудить в своих детях интерес к чтению, некоторые заботливые родители, выписывающие правильные воскресные газеты, покупают им особые книжки, в которых вместо имени главного героя можно напечатать имя ребенка. В случае с Анафемой, в Книге была не только она – причем отрывок про нее пока что сбывался в точности – но и ее родители, и дедушка с бабушкой, и все-все-все с семнадцатого столетия до нынешних времен. Она была еще маленькая, сосредоточена только на себе, и ее не насторожило, что уже о ее детях в Книге ничего нет. Там описывалось еще одиннадцать лет ее жизни – а дальше ничего. Но когда тебе восемь с половиной, ты думаешь, что одиннадцать лет – это целая жизнь; и, если верить Книге, думаешь правильно).

Она была умным ребенком, девчушкой с бледным лицом, черными глазами и темными волосами. Люди, как правило, рядом с ней чувствовали себя неуютно – это была наследственная черта семейства Девайс – а еще она была немножко слишком ясновидящей, как пра-пра-пра-пра-прабабушка.

Анафема была не по годам развита и очень хладнокровна. В школе учителя осмеливались ее ругать только за правописание – но не то чтобы ее представления о языке были неправильны, просто они запоздали лет на триста.

Монашки подменила ребенка А на ребенка Б прямо под носом у жены американского атташе по культуре и людей из Секретной службы. Сделали они это весьма хитрым и замысловатым образом – увезли одного ребенка («просто взвесить, дорогуша, так положено, закон такой») и чуть позже привезли другого.

Самого атташе по вопросам культуры, Фаддея Дж. Даулингса, несколько дней тому назад в срочном порядке отозвали в Вашингтон, но он позвонил жене и во время родов оставался на линии. Он даже помогал ей считать схватки.

Правда, по параллельной линии он разговаривал со своим советником по инвестициям. Один раз ему пришлось попросить ее подождать минут двадцать.

Но это пустяки.

Рождение ребенка – это самый прекрасный и радостный момент в жизни семейной пары, который они просто обязаны разделить на двоих, и он не хотел его упустить.

Он даже попросил одного из людей в черных костюмах снять для него все на видео.

Зло, как правило, не дремлет, и другим потому дремать не дает. Но Кроули всегда ценил сон среди прочих мирских утех. Особенно после сытного обеда. Например, он проспал почти весь девятнадцатый век. И не потому, что так было надо, а потому, что спать ему нравилось.*

Мирские утехи. Сейчас им предаться самое время – пока время еще есть.

«Бентли» летел сквозь ночь на восток.

Конечно же, Кроули целиком и полностью за Армагеддон – в общем и целом. Если бы кто-нибудь спросил у него, зачем он веками вмешивается в дела рода человеческого, то он бы ответил: «Чтобы мир сгорел в огне, а Ад – одержал победу».

Кроули всегда знал, что увидит конец света, потому что он бессмертный и у него нет другого выбора. Но он надеялся, что увидит его не так скоро.

* Правда, в 1832-м пришлось встать, чтобы сходить в уборную.

Все потому, что ему нравятся люди. А для демона это огромный недостаток.

Да, он старательно делает их короткие жизни невыносимыми, потому что это его работа, но все его козни и в подметки не годятся тем вещам, которые люди выдумывали сами. У них, кажется, к этому талант. Нечто вроде предустановленной функции. Они рождаются в мире, всячески настроенном против них, а потом тратят большую часть своих сил на то, чтобы сделать все еще хуже. С годами все трудней и трудней совершить какое-нибудь демоническое злодейство, которое хоть как-то бы выделялось на общем злодейском фоне. В последнее тысячелетие он временами подумывал о том, чтобы отправить Вниз сообщение вроде: «Ребята, нам больше нечего ловить, можно закрывать Дис, Пандемониум, и все остальное и переезжать наверх. Мы все равно не сможем сделать с ними ничего такого, чего они сами не делали бы с друг другом, а еще они придумывают штуки, которые нам бы в голову никогда не пришли, часто с электродами. У них есть то, чего нет у нас. У них есть воображение. Ну, и электричество».

Написал же, в конце концов, один из местных, как там... «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»*.

В свое время Кроули объявили благодарность за испанскую Инквизицию. Тогда он действительно слонялся по Испании, а точнее – пил в лучшем испанском трактире. О благодарности он узнал раньше, чем о самой Инквизиции. Он пошел посмотреть на ее застенки, потом вернулся в трактир и ушел в недельный запой.

А Иероним Босх... Тот еще чудик.

И когда начинаешь думать, что по злодеяниям человек обставил весь Ад, он вдруг делает что-нибудь настолько добродетельное, что даже в Раю завидуют. И человек причем зачастую один и тот же. А все свобода воли. Чтоб ее.

* Уильям Шекспир, «Буря», перевод Михаила Донского. *Прим. пер.*

Азирафал попытался однажды это ему объяснить. Дело было примерно в 1020-м, когда они заключили их небольшое Соглашение. Смысл в том, сказал он, смысл в том, что добро или зло человек выбирает сам. А вот за ребят вроде них с Кроули выбор сделали давным-давно. Люди не могли бы становиться по-настоящему святыми, сказал он, не будь у них возможности быть отпетыми злодеями.

Кроули подумал и где-то в 1023-м сказал, погоди-ка, это прокатит только если все с самого начала равны, а? Скажем, один родился в грязной землянке, а другой – в замке. Как первому угнаться за вторым?

Ага, сказал Азирафаил, так в том-то вся прелесть. Чем ниже начинаешь, тем больше возможностей.

И Кроули сказал, это глупо.

Нет, сказал Азирафаил, это непостижимо.

Азирафаил... Враг, конечно же. Но враждуют они уже шесть тысяч лет, а это почти дружба.

Кроули потянулся за телефоном.

Да, демонам свобода воли не дана... Но с людьми поживешь – человеческого наберешься.

Ни Дэмиана, ни Сатанаила мистер Янг не одобрил. Забраковал он и остальные предложения сестры Мэри, которая успела перечислить половину Ада и большую часть Голливуда времен его золотого века.

– Что ж, – сказала она наконец слегка обиженно, – думаю, ему вполне подойдет имя Эррол, как у Флинта. Или Кэрри, как Грант. Отличные имена, очень американские.

– Я бы хотел что-нибудь более традиционное, – пояснил мистер Янг. – У нас в семье имена принято давать простые, не всякие новомодные.

Сестра Мэри просияла.

– Точно! Я всегда говорила, что нет ничего лучше имен с длинной историей.

– Какое-нибудь славное английское имя, чтобы из Библии... Марк, Гидеон, Аарон, или Герсон... – задумчиво перечислял мистер Янг. Сестра Мэри морщилась. – Мне, правда, всегда почему-то казалось, что эти имена все-таки не для Библии. Людей с такими именами на футбольное поле надо, или в вестерн какой-нибудь.

– Саул – имечко неплохое, – заметила сестра Мэри. На большее ее познаний о Библии не хватало.

– Нет, это уже как-то совсем старомодно.

– Тогда Каин. Звучит-то как современно! Вы прислушайтесь.

– Хмм...

Насчет Каина мистер Янг сомневался.

– Ну, на худой конец, можно... Можно назвать его Адамом, – сказала сестра. Имя первого грешника показалось ей достаточно невинным – на первый взгляд.

– Адам?.. – переспросил мистер Янг.

Как было бы здорово, если бы лишнего младенца – ребенка Б – сатанинские монашки пристроили в какую-нибудь хорошую семью. Если бы он вырос нормальным, радующимся жизни смешливым непоседой, а потом стал таким же нормальным и вполне довольным жизнью взрослым.

Возможно, так оно и было.

Представьте себе, что в начальной школе он получил награду за лучшее в классе правописание. Вообразите его студенческие годы, не отмеченные особенными достижениями, но все равно веселые. Представьте себе его работу в финансовом отделе строительной компании «Тэдфилд и Нортон», представьте его прекрасную жену. Возможно, вам захочется представить себе и его двух-трех детей, и его хобби – классические мотоциклы, например, или разведение тропических рыбок.

Думать о том, что *еще* могло случиться с попавшим к сатанинским монашкам ребенком, очень, очень не здорово.

Нет, ваш вариант нам нравится больше.

Наверно, его рыбки собирают все призы на выставках.

В спальне маленького дома в Доркинге, графство Саррей, горел свет. Ньютону Пульсиферу было двенадцать. Он был худым и носил очки. Час назад должен был отправиться спать.

Но убежденная в его гениальности мама разрешала ему засиживаться над своими «экспериментами» допоздна.

Сейчас, например, он экспериментировал со штепсельной вилкой древнего бакелитового приемника: мама дала ему поиграть. Он сидел за старым, обветшалым столом, заваленным мотками проводов, батареями и маленькими лампочками. Стол этот он гордо именовал «моя столстерская». Еще на столе лежал самодельный детекторный приемник, который не работал. Починить бакелитовый приемник Ньютону пока что тоже не удавалось, но таких высот, как правило, не достигали все его радиоэксперименты.

В его комнате к потолку подвешены на шелковых шнурах три кривоногые металлических самолетика. Даже чуждые моделированию люди заметили бы, что самолетики эти собирал кто-то очень старательный, аккуратный и абсолютно не умеющий собирать самолетики. Но он все равно отчаянно гордился своими модельками – даже «Спитфайром», крылья у которого вышли, прямо скажем, не очень.

Он поправил очки, сползшие с длинного и тонкого носа. Близоруко прищурившись, посмотрел на штепсель и отложил отвертку.

На эту попытку он возлагал большие надежды. Он сделал все в точности так, как было сказано на пятой странице книжки «Занимательная электроника для мальчиков: сто один безопасный и познавательный эксперимент с электричеством» – там как раз было про замену штепселей. Он подсоединил нужные проводки к нужным контактам. Проверил предохранитель. Привинтил на место крышку. Пока все шло отлично.

Он вставил вилку в розетку. А потом – включил подачу тока.

Все огни в доме погасли.

Ньютон засиял от гордости. Прогресс налицо. В прошлый раз весь Доркинг остался без света, и с мамой приходил поговорить человек из какой-то службы по электричеству.

Ко всему электрическому Ньютон питал горячую и безответную любовь. У них в школе был компьютер, и после занятий с полдюжины самых трудолюбивых ребят оставалось возиться с перфокартами. Однажды ответственный за машину учитель наконец внял мольбам Ньютона и разрешил к ним присоединиться. Ньютон скормил компьютеру всего одну маленькую карточку, которой тот подавился. Откачать машину так и не удалось.

Ньютон верил, что будущее – за компьютерами, и готовился встречать его в первых рядах.

У будущего на этот счет были свои мысли. И все они были изложены в Книге.

Адам, подумал мистер Янг. Произнес это имя вслух, послушал, как оно звучит. «Адам». Хмм...

Он посмотрел на золотистые кудряшки Врага рода человеческого, Низвергателя Царей, Ангела Бездны, Великого Зверя, что зовется Драконом, Князя мира сего, Отца лжи, Исчадье Сатаны и Владыку Тьмы.

– А знаете, – заключил он, подумав еще немного, – мне кажется, это имя ему в самый раз.

С темной и мрачной ночью опять не сложилось.

Такая ночь выдалась два дня спустя, примерно через четыре часа после того, как семейства Янг и Даулинг (каждое со своим младенцем) покинули больницу. Ночь эта была еще темней и мрачней, чем остальные темные и мрачные ночи. Сразу же после двенадцати разыгралась жуткая гроза, и в женский монастырь Неумолкающего ордена ударила молния. Крыша ризницы загорелась.

В пожаре никто особенно не пострадал, но потушить его не могли долго, и от здания остались почти одни головешки.

Зачинщик этого пожара зловеще таился на вершине холма неподалеку от монастыря и смотрел на зарево. Он был высокий и худой. А еще он был герцогом ада. Он только что разобрался с последним делом на этом свете, и теперь мог с нечистой совестью возвращаться на тот.

Остальное можно было спокойно оставить Кроули.

Хастур отправился домой.

С точки зрения иерархии Азирафаил был Началом, ангелом третьего чина, но отнюдь не третьего сорта.

Вообще-то, ни он, ни Кроули просто так общаться друг с другом не стали бы. Но они оба были светскими людьми (или, по крайней мере, принявшими человеческий облик существами), и их Соглашение было обоим на руку. Кроме того, к единственному лицу, более-менее постоянно мелькающему то тут, то там уже шесть тысяч лет, невольно привыкаешь.

Их Соглашение было очень простым. Таким простым, что даже не заслуживало заглавной буквы. Ее оно получило разве что за выслугу лет. Подобные разумные соглашения часто заключались между шпионами, которым приходилось работать в одиночку вдали от начальства. Заключаются они, как правило, после того, как оба шпиона понимают, что у общего у них намного больше с живущим по соседству противником, а не с далекими союзниками. Суть таких соглашений в молчаливом невмешательстве в дела другого. Ни один особо не выигрывает и не проигрывает, зато оба могут отчитываться перед начальством о своем новом ударе по хитрому и очень осведомленному врагу.

По Соглашению Кроули достался Манчестер, а Азирафаил мог делать что угодно во всем Шропшире. Кроули получил Глазго, а Азирафаил –

Эдинбург. За Милтон Кинз* ответственность на себя не взял ни тот, ни другой, но в отчетах оба записали его в заслугу себе.

Да и оказывать друг другу мелкие услуги, когда нужно, в их положении было вполне разумно. Оба ангелы, в конце концов. Если один хотел улизнуть на денек-другой в Дисс и по-быстрому поддаться паре-тройке искушений, другой вполне мог подменить его на посту и ниспослать на скорую руку какому-нибудь праведнику положенную благодать. Кто-то ведь этим все равно занялся бы. А если подходить к делу с толком, то можно урвать себе побольше свободного времени и сократить расходы.

Иногда Азирафаила по этому поводу мучила совесть. Но тысячелетия в обществе людей подействовали на него так же, как на Кроули – только проявлялось это в другом.

Кроме того, их начальству вообще было все равно, кто там чем занимается: главное, чтобы дело делалось.

Азирафал и Кроули стояли у пруда в парке Сент-Джеймс. Они кормили уток.

Этот парк облюбовали для встреч с глазу на глаз многие тайные агенты. Во время таких встреч они обязательно кормят уток. И местные утки к этому настолько привыкли, что у них выработался условный рефлекс. Если посадить утку из парка Сент-Джеймс в клетку и показать ей фотографию двух людей (один из них, как правило, в пальто с меховым воротником, а на втором надето что-нибудь темное и длинный шарф), то утка выжидающе разинет клюв. Утки поразборчивей предпочитают черный хлеб от русского атташе по вопросам культуры, а самые гурманы выбирают хлебцы с джемом от главы МИ-9.

Азирафал бросил хлебную корку неряшливому селезню, который поймал подачку и тут же пошел ко дну.

* Примечание для жителей Америки и прочих иностранцев: Милтон Кинз – это недавно построенный город примерно на полпути между Лондоном и Бирмингемом. Он задумывался как современный, очень чистый город с отличной инфраструктурой. Он задумывался как на редкость славное местечко. Ох, и потешались потом англичане!

Ангел повернулся к Кроули.

– Друг мой, ну зачем, – укоризненно сказал он.

– Извини, забылся, – ответил Кроули. Селезень рассерженно всплыл.

– Мы, конечно, знали, что что-то намечается, – сказал Азирафал. – Но почему-то кажется, что это должно произойти в Америке. Там такие штуки любят.

– Там, может, и произойдет, раз уж на то пошло, – мрачно изрек Кроули. Он задумчиво посмотрел на свой «бентли», припаркованный у ограды парка. На заднее колесо машины он прилежно надел «башмак».

– Ах да. Американский дипломат. Как-то это по-киношному, мне кажется. Как будто Армагеддон – это фильм, который нужно продать везде, где только можно.

– Именно везде, – сказал Кроули, – по всей Земле и во всех царствах земли.

Азирафал кинул уткам последнюю пригоршню крошек и выбросил бумажный пакет в мусорку для макулатуры. Утки поплыли докучать болгарскому военно-морскому атташе и неприметному человеку в клетчатом галстуке.

Азирафал повернулся к Кроули.

– Мы выиграем, – сказал Азирафал.

– Уж ты-то от этого не выиграешь, поверь мне...

– Почему же?

– Послушай-ка, – сказал Кроули в отчаянии, – сколько, по-твоему, у ваших есть композиторов, а? Самых-самых, не мелочи.

Этот вопрос застал Азирафала врасплох.

– Я думаю... – начал он.

– Всего два. Элгар и Лист. И все. Остальные – у нас. Бетховен, Брамс, все Бахи, Моцарт и прочие. Ты только представь себе – вечность с Элгаром ...

Азирафал закрыл глаза.

– Представил... – простонал он.

– То-то же, – просиял Кроули. Он отлично знал, на что нужно давить. – Никаких дисков с музыкой. Никаких концертов в Альберт-холле. Никаких оперных фестивалей в Глайндборне. Только ангельский хор – день за днем.

– Непостижимо, – пробормотал Азирафал.

– Клубника без сливок, как ты говоришь. Ах да, кстати – никакой клубники со сливками. Никакой семги с укроповым соусом. Никаких ресторанчиков, где тебя все знают. Никаких кроссвордов в «Дейли Телеграф». Никаких антикварных лавочек. И про книжные лавки тоже забудь. Никаких любопытных старых изданий. Никаких... – Кроули поскреб по дну бочки Азирафаловых интересов, – антикварных серебряных табакерок...

– После нашей победы жизнь станет лучше! – гаркнул ангел.

– Скучней она станет после вашей-то победы. Слушай, ты ведь понимаешь, что я прав. Тебе арфа не больше к лицу, чем мне – вилы.

– Мы не играем на арфах, сам знаешь.

– А мы вилами никого не тычем. Я это так, для красного словца.

Они посмотрели друг на друга.

Азирафал развел руками. Ногти на них были очень ухоженными.

– Ты сам понимаешь, что мои этого ждут с нетерпением. В этом смысл всего сущего. Последнее великое испытание. Огненные мечи, четыре Всадника, моря крови, прочая морока.

Он пожал плечами.

– А потом что? «Игра окончена, вставьте еще одну монетку»? – спросил Кроули.

– Иногда мне бывает трудно понять твою манеру изъясняться.

– Меня вполне устраивают обычные моря. Во всем этом нет необходимости. Чтобы проверить, все ли ты сделал правильно, вовсе не нужно пытаться это все уничтожить.

Азирафал снова пожал плечами.

– Боюсь, Его непостижимый промысел ты не постигнешь, – ангел по-ежился и поплотней закутался в пальто. Небо затягивали серые тучи.

– Пойдем куда-нибудь, где потеплей, – предложил он.

– Чтобы я да отказался? – мрачно усмехнулся демон.

Некоторое время они шли в угрюмом молчании.

– Дело не в том, что я с тобой не согласен, – сказал ангел, шагая по траве. – Дело в том, что мне разрешено только повиноваться. Сам знаешь.

– Мне тоже.

Азирафал косо на него посмотрел.

– Да ладно тебе. Ты же демон.

– Демон. Но понимаешь, мои-то, конечно, неповиновение любят...

Точней, любят они неповиновение в целом. А вот частности – просто терпеть не могут.

– Частности – это когда кто-то не повинуется им?

– В точку. Удивительно, а? Хотя нет, чему уж тут удивляться. Как думаешь, сколько у нас еще времени?

Кроули махнул рукой «бентли», и замки на дверях машины с щелчком открылись.

– Есть разные пророчества, – сказал Азирафал, опускаясь на пассажирское сидение. – Все однозначно случится в этом столетии. Правда, определенные явления могут наблюдаться еще до главного события. Большинство пророков прошлого тысячелетия беспокоилось скорее не о точности, а о метрике.

Кроули ткнул пальцев в ключ зажигания. Ключ повернулся.

– В смысле? – спросил демон.

– Ну, как сказать... «Последний бой меж Небом и меж Адом грянет в парам-парам-парам девятом». Или в восьмом, в седьмом, в каком угодно.

Правда, с третьим мало что зарифмуешь – безопасный должен быть год.

– А что за явления?

– Двухголовые телята, знаки в небе, гуси, летящие задом наперед, дожди из рыбы. Все в таком духе. Присутствие Антихриста нарушает обычные причинно-следственные связи.

– Хмм...

Кроули дернул за рычаг коробки передач. Потом он что-то вспомнил и щелкнул пальцами.

«Башмак» исчез.

– Давай-ка пообедаем, – предложил Кроули. – Я тебе задолжал обед еще с... когда же это было...

– Париж, 1793-й.

– Точно. Эпоха Террора. Это наши или ваши устроили?

– Ваши вроде, нет?

– Не помню уже. Но ресторан был что надо.

Когда они проезжали мимо изумленного инспектора, его записная книжка внезапно взорвалась. Кроули это слегка удивило.

– Я не нарочно, дьяволом клянусь. Оно само так, – сказал он.

Азирафал покраснел.

– Это я, – сказал он, – мне всегда казалось, что эти штуковины – ваших рук дело.

– Да? А мы-то думали, что они ваши.

Кроули посмотрел в зеркало заднего вида на сизый дымок.

– Ну да ладно, – сказал он, – поехали в «Ритц».

Кроули никогда не утруждал себя бронированием столика. В его мире такое случалось только с другими.

Приложение: текст оригинала.**GOOD OMENS****Neil Gaiman and Terry Pratchett****In the beginning**

It was a nice day.

All the days had been nice. There had been rather more than seven of them so far, and rain hadn't been invented yet. But clouds massing east of Eden suggested that the first thunderstorm was on its way, and it was going to be a big one.

The angel of the Eastern Gate put his wings over his head to shield himself from the first drops.

"I'm sorry," he said politely. "What was it you were saying?"

"I said, that one went down like a lead balloon," said the serpent.

"Oh. Yes," said the angel, whose name was Aziraphale.

"I think it was a bit of an overreaction, to be honest," said the serpent. "I mean, first offense and everything. I can't see what's so bad about knowing the difference between good and evil, anyway."

"It must *be* bad," reasoned Aziraphale, in the slightly concerned tones of one who can't see it either, and is worrying about it, "otherwise you wouldn't have been involved."

"They just said, Get up there and make some trouble," said the serpent, whose name was Crawly, although he was thinking of changing it now. Crawly, he'd decided, was not *him*.

"Yes, but you're a demon. I'm not sure if it's actually possible for you to do good," said Aziraphale.

"It's down to your basic, you know, nature. Nothing personal, you understand."

"You've got to admit it's a bit of a pantomime, though," said Crawly. "I mean, pointing out the Tree and saying 'Don't Touch' in big letters. Not very subtle, is it? I mean, why not put it on top of a high mountain or a long way off? Makes you wonder what He's really planning."

"Best not to speculate, really," said Aziraphale. "You can't second-guess ineffability, I always say. There's Right, and there's Wrong. If you do Wrong when you're told to do Right, you deserve to be punished. Er."

They sat in embarrassed silence, watching the raindrops bruise the first flowers. Eventually Crawly said, "Didn't you have a flaming sword?"

"Er," said the angel. A guilty expression passed across his face, and then came back and camped there.

"You did, didn't you?" said Crawly. "It flamed like anything."

"Er, well-"

"It looked very impressive, I thought."

"Yes, but, well-"

"Lost it, have you?"

"Oh no! No, not exactly lost, more-"

"Well?"

Aziraphale looked wretched. "If you must know," he said, a trifle testily, "I gave it away."

Crawly stared up at him.

"Well, I had to," said the angel, rubbing his hands distractedly. "They looked so cold, poor things, and she's expecting *already*, and what with the vicious animals out there and the storm coming up I thought, well, where's the harm, so I just said, look, if you come back there's going to be an almighty row, but you might be needing this sword, so here it is, don't bother to thank me, just do everyone a big favor and don't let the sun go down on you here."

He gave Crawly a worried grin.

"That was the best course, wasn't it?"

"I'm not sure it's actually possible for you to do evil," said Crawly sarcastically. Aziraphale didn't notice the tone.

"Oh, I do hope so," he said. "I really do hope so. It's been worrying me all afternoon."

They watched the rain for a while.

"Funny thing is," said Crawly, "I keep wondering whether the apple thing wasn't the right thing to do, as well. A demon can get into real trouble, doing the right thing." He nudged the angel. "Funny if weboth got it wrong, eh? Funny if I did the good thing and you did the bad one, eh?"

"Not really," said Aziraphale.

Crawly looked at the rain.

"No," he said, sobering up. "I suppose not."

Slate-black curtains tumbled over Eden. Thunder growled among the hills. The animals, freshly named, cowered from the storm.

Far away, in the dripping woods, something bright and fiery flickered among the trees.

It was going to be a dark and stormy night.

Eleven years ago

Current theories on the creation of the Universe state that, if it was created at all and didn't just start, as it were, unofficially, it came into being between ten and twenty thousand million years ago. By the same token the earth itself is generally supposed to be about four and a half thousand million years old.

These dates are incorrect.

Medieval Jewish scholars put the date of the Creation at 3760 B.C. Greek Orthodox theologians put Creation as far back as 5508 B.C.

These suggestions are also incorrect.

Archbishop James Usher (1580-1656) published *Annales Veteris et Novi Testamentis* in 1654, which suggested that the Heaven and the Earth were created in 4004 B.C. One of his aides took the calculation further, and was able to announce triumphantly that the Earth was created on Sunday the 21st of October, 4004 B.C., at exactly 9:00 A.M., because God liked to get work done early in the morning while he was feeling fresh.

This too was incorrect. By almost a quarter of an hour.

The whole business with the fossilized dinosaur skeletons was a joke the paleontologists haven't seen yet.

This proves two things:

Firstly, that God moves in extremely mysterious, not to say, circuitous ways. God does not play dice with the universe; He plays an ineffable game of His own devising, which might be compared, from the perspective of any of the other players, [ie., everybody.] to being involved in an obscure and complex version of poker in a pitch-dark room, with blank cards, for infinite stakes, with a Dealer who won't tell you the rules, and who *smiles all the time*.

Secondly, the Earth's a Libra.

The astrological prediction for Libra in the "Your Stars Today" column of the Tadfield *Advertiser*, on the day this history begins, read as follows:

LIBRA. 24 September-23 October.

You may be feeling run down and always in the same old daily round Home and family matters are highlighted and are hanging fire. Avoid unnecessary risks. A friend is important to you. Shelve major decisions until the way ahead seems clear. You may be vulnerable to a stomach upset today, so avoid salads. Help could come from an unexpected quarter.

This was perfectly correct on every count except for the bit about the salads.

- - -

It wasn't a dark and stormy night.

It should have been, but that's the weather for you. For every mad scientist who's had a convenient thunderstorm just on the night his Great Work is finished and lying on the slab, there have been dozens who've sat around aimlessly under the peaceful stars while Igor clocks up the overtime.

But don't let the fog (with rain later, temperatures dropping to around forty-five degrees) give anyone a false sense of security. Just because it's a mild night doesn't mean that dark forces aren't abroad. They're abroad all the time. They're *everywhere*.

They always are. That's the whole point.

Two of them lurked in the ruined graveyard. Two shadowy figures, one hunched and squat, the other lean and menacing, both of them Olympic-grade lurkers. If Bruce Springsteen had ever recorded "Born to Lurk," these two would have been on the album cover. They had been lurking in the fog for an hour now, but they had been pacing themselves and could lurk for the rest of the night if necessary, with still enough sullen menace left for a final burst of lurking around dawn.

Finally, after another twenty minutes, one of them said: "Bugger this for a lark. He should of been here *hours* ago."

The speaker's name was Hastur. He was a Duke of Hell.

- - -

Many phenomena-wars, plagues, sudden audits-have been advanced as evidence for the hidden hand of Satan in the affairs of Man, but whenever students of demonology get together the M25 London orbital motorway is generally agreed to be among the top contenders for Exhibit A.

Where they go wrong, of course, is in assuming that the wretched road is evil simply because of the incredible carnage and frustration it engenders every day.

In fact, very few people on the face of the planet know that the very shape of the M25 forms the sigh *odegra* in the language of the Black Priesthood of Ancient Mu, and means "Hail the Great Beast, Devourer of Worlds." The thousands of motorists who daily fume their way around its serpentine lengths have the same effect as water on a prayer wheel, grinding out an endless fog of low-grade evil to pollute the metaphysical atmosphere for scores of miles around.

It was one of Crowley's better achievements. It had taken *years* to achieve, and had involved three computer hacks, two break-ins, one minor bribery and, on one wet night when all else had failed, two hours in a squelchy field shifting the marker pegs a few but occultly incredibly significant meters. When Crowley had watched the first thirty-mile-long tailback he'd experienced the lovely warm feeling of a bad job well done.

It had earned him a commendation.

Crowley was currently doing 110 mph somewhere east of Slough. Nothing about him looked particularly demonic, at least by classical standards. No horns, no wings. Admittedly he was listening to a *Best of Queen* tape, but no conclusions should be drawn from this because all tapes left in a car for more than about a fortnight metamorphose into *Best of Queen* albums. No particularly demonic thoughts were going through his head. In fact, he was currently wondering vaguely who Moey and Chandon were.

Crowley had dark hair and good cheekbones and he was wearing snakeskin shoes, or at least presumably he was wearing shoes, and he could do really weird things with his tongue. And, whenever he forgot himself, he had a tendency to hiss.

He also didn't blink much.

The car he was driving was a 1926 black Bentley, one owner from new, and that owner had been Crowley. He'd looked after it.

The reason he was late was that he was enjoying the twentieth century immensely. It was much better than the seventeenth, and a *lot* better than the fourteenth. One of the nice things about Time, Crowley always said, was that it was steadily taking him further away from the fourteenth century, the most bloody boring hundred years on God's, excuse his French, Earth. The twentieth century was anything but boring. In fact, a flashing blue light in his rearview mirror had been telling Crowley, for the last fifty seconds, that he was being followed by two men who would like to make it even more interesting for him.

He glanced at his watch, which was designed for the kind of rich deep-sea diver who likes to know what the time is in twenty-one world capitals while he's down there. [It was custom-made for Crowley. Getting just one chip custom-made is incredibly expensive but he could afford it. This watch gave the time in twenty world capitals and in a capital city in Another Place, where it was always one time, and that was Too Late.]

The Bentley thundered up the exit ramp, took the corner on two wheels, and plunged down a leafy road. The blue light followed.

Crowley sighed, took one hand from the wheel, and, half turning, made a complicated gesture over his shoulder.

The flashing light dimmed into the distance as the police car rolled to a halt, much to the amazement of its occupants. But it would be nothing to the amazement they'd experience when they opened the hood and found out what the engine had turned into.

- - -

In the graveyard, Hastur, the tall demon, passed a dogend back to Ligur, the shorter one and the more accomplished lurker.

"I can see a light," he said. "Here he comes now, the flash bastard."

"What's that he's drivin'?" said Ligur.

"It's a car. A horseless carriage," explained Hastur. "I expect they didn't have them last time you was here. Not for what you might call general use."

"They had a man at the front with a red flag," said Ligur.

"They've come on a bit since then, I reckon."

"What's this Crowley like?" said Ligur.

Hastur spat. "He's been up here too long," he said. "Right from the Start. Gone native, if you ask me. Drives a car with a telephone in it."

Ligur pondered this. Like most demons, he had a very limited grasp of technology, and so he was just about to say something like, I bet it needs a lot of wire, when the Bentley rolled to a halt at the cemetery gate.

"And he wears sunglasses," sneered Hastur, "even when he dunt need to." He raised his voice. "All hail Satan," he said.

"All hail Satan," Ligur echoed.

"Hi," said Crowley, giving them a little wave. "Sorry I'm late, but you know how it is on the A40 at Denham, and then I tried to cut up towards Chorley Wood and then-"

"Now we art all here," said Hastur meaningfully, "we must recount the Deeds of the Day."

"Yeah. Deeds," said Crowley, with the slightly guilty look of one who is attending church for the first time in years and has forgotten which bits you stand up for.

Hastur cleared his throat.

"I have tempted a priest," he said. "As he walked down the street and saw the pretty girls in the sun, I put Doubt into his mind. He would have been a saint, but within a decade we shall have him."

"Nice one," said Crowley, helpfully.

"I have corrupted a politician," said Ligur. "I let him think a tiny bribe would not hurt. Within a year we shall have him."

They both looked expectantly at Crowley, who gave them a big smile.

"You'll like this," he said.

His smile became even wider and more conspiratorial.

"I tied up *every* portable telephone system in Central London for forty-five minutes at lunchtime," he said.

There was silence, except for the distant swishing of cars.

"Yes?" said Hastur. "And then what?"

"Look, it wasn't easy," said Crowley.

"That's all?" said Ligur.

"Look, people-

"And exactly what has that done to secure souls for our master?" said Hastur.

Crowley pulled himself together.

What could he tell them? That twenty thousand people got bloody furious? That you could hear the arteries clanging shut all across the city? And that then they went back and took it out on their secretaries or traffic wardens or whatever, and *they* took it out on other people? In all kinds of vindictive little ways which, and here was the good bit, *they thought up themselves* For the rest of the day. The pass-along effects were incalculable. Thousands and thousands of souls all got a faint patina of tarnish, and you hardly had to lift a finger.

But you couldn't tell that to demons like Hastur and Ligur. Fourteenth-century minds, the lot of them. Spending years picking away at one soul. Admittedly it was *craftsmanship*, but you had to think differently these days. Not big, but wide. With five billion people in the world you couldn't pick the buggers off one by one any more; you had to spread your effort. But demons like Ligur and Hastur wouldn't understand. They'd never have thought up Welsh-language television, for example. Or value added tax. Or Manchester.

He'd been particularly pleased with Manchester.

"The Powers that Be seem to be satisfied," he said. "Times are changing. So what's up?"

Hastur reached down behind a tombstone.

"This is," he said.

Crowley stared at the basket.

"Oh," he said. "No."

"Yes," said Hastur, grinning.

"*Already?*"

"Yes."

"And, er, it's up to me to-?"

"Yes." Hastur was enjoying this.

"Why me?" said Crowley desperately. "You know me, Hastur, this isn't, you know, my scene..."

"Oh, it is, it is," said Hastur. "Your scene. Your starring role. Take it. Times are changing."

"Yeah," said Ligur, grinning. "They're coming to an end, for a start."

"Why *me?*"

"You are obviously highly favored," said Hastur maliciously. "I imagine Ligur here would give his right arm for a chance like this."

"That's right," said Ligur. Someone's right arm, anyway, he thought. There were plenty of right arms around; no sense in wasting a good one.

Hastur produced a clipboard from the grubby recesses of his mack.

"Sign. Here," he said, leaving a terrible pause between the words.

Crowley fumbled vaguely in an inside pocket and produced a pen. It was sleek and matte black. It looked as though it could exceed the speed limit.

"S'nice pen," said Ligur.

"It can write under water," Crowley muttered.

"Whatever will they think of next?" mused Ligur.

"Whatever it is, they'd better think of it quickly," said Hastur. "No. Not A. J. Crowley. Your *real* name."

Crowley nodded mournfully, and drew a complex, wiggly sigh on the paper. It glowed redly in the gloom, just for a moment, and then faded.

"What am I supposed to do with it?" he said.

"You will receive instructions." Hastur scowled. "Why so worried, Crowley? The moment we have been working for all these centuries is at hands"

"Yeah. Right," said Crowley. He did not look, now, like the lithe figure that had sprung so lithely from the Bentley a few minutes ago. He had a hunted expression.

"Our moment of eternal triumph awaits!"

"Eternal. Yeah," said Crowley.

"And you will be a tool of that glorious destiny!"

"Tool. Yeah," muttered Crowley. He picked up the basket as if it might explode. Which, in a manner of speaking, it would shortly do.

"Er. Okay," he said. "I'll, er, be off then. Shall I? Get it over with. Not that I *want* to get it over with," he added hurriedly, aware of the things that could happen if Hastur turned in an unfavorable report. "But you know me. Keen."

The senior demons did not speak.

"So I'll be popping along," Crowley babbled. "See you guys ar-see you. Er. Great. Fine. *Ciao*."

As the Bentley skidded off into the darkness Ligur said, "Wossat mean?"

"It's Italian," said Hastur. "I think it means 'food'."

"Funny thing to say, then." Ligur stared at the retreating taillights. "You trust him?" he said.

"No," said Hastur.

"Right," said Ligur. It'd be a funny old world, he reflected, if demons went round trusting one another.

- - -

Crowley, somewhere west of Amersham, hurtled through the night, snatched a tape at random and tried to wrestle it out of its brittle plastic box while staying on the road. The glare of a headlight proclaimed it to be Vivaldi's *Four Seasons*. Soothing music, that's what he needed.

He rammed it into the Blaupunkt.

"Ohshitohshitohshit. Why now? Why me?" he muttered, as the familiar strains of Queen washed over him.

And suddenly, Freddie Mercury was speaking to him:

BECAUSE YOU'VE EARNED IT, CROWLEY

Crowley blessed under his breath. Using electronics as a means of communication had been his idea and Below had, for once, taken it up and, as usual, got it dead wrong. He'd hoped they could be persuaded to subscribe to Cellnet, but instead they just cut in to whatever it happened to be that he was listening to at the time and twisted it.

Crowley gulped.

"Thank you very much, lord," he said.

WE HAVE GREAT FAITH IN YOU, CROWLEY

"Thank you, lord."

THIS IS IMPORTANT, CROWLEY

"I know, I know."

THIS IS THE BIG ONE, CROWLEY

"Leave it to me, lord."

THAT IS WHAT WE ARE DOING, CROWLEY AND IF IT GOES WRONG, THEN THOSE INVOLVED WILL SUFFER GREATLY. EVEN YOU, CROWLEY ESPECIALLY YOU.

"Understood, lord."

HERE ARE YOUR INSTRUCTIONS, CROWLEY

And suddenly he knew. He hated that. They could just as easily have told him, they didn't suddenly have to drop chilly knowledge straight into his brain. He had to drive to a certain hospital.

"I'll be there in five minutes, lord, no problem."

GOOD. I see a little silhouetto of a man scaramouche scaramouche will you do the fandango...

Crowley thumped the wheel. Everything had been going so well, he'd had it really under his thumb these few centuries. That's how it goes, you think you're on top of the world, and suddenly they spring Armageddon on you. The Great War, the Last Battle. Heaven versus Hell, three rounds, one Fall, no submission. And that'd be that. No more world. That's what the end of the world *meant*. No more world. Just endless Heaven or, depending who won, endless Hell. Crowley didn't know which was worse.

Well, *Hell* was worse, of course, by definition. But Crowley remembered what Heaven was like, and it had quite a few things in common with Hell. You couldn't get a decent drink in either of them, for a start. And the boredom you got in Heaven was almost as bad as the excitement you got in Hell.

But there was no getting out of it. You couldn't be a demon and have free will.

I will not let you go (let him go) . . .

Well, at least it wouldn't be this year. He'd have time to do things. Unload long-term stocks, for a start.

He wondered what would happen if he just stopped the car here, on this dark and damp and empty road, and took the basket and swung it round and round and let go and . . .

Something dreadful, that's what.

He'd been an angel once. He hadn't meant to Fall. He'd just hung around with the wrong people.

The Bentley plunged on through the darkness, its fuel gauge pointing to zero. It had pointed to zero for more than sixty years now. It wasn't all bad, being a demon. You didn't have to buy petrol, for one thing. The only time Crowley had bought petrol was once in 1967, to get the free James Bond bullet-hole-in-the-windscreen transfers, which he rather fancied at the time.

On the back seat the thing in the basket began to cry; the air-raid siren wail of the newly born. High. Wordless. And *old*.

- - -

It was quite a nice hospital, thought Mr. Young. It would have been quiet, too, if it wasn't for the nuns.

He quite liked nuns. Not that he was a, you know, left-footer or anything like that. No, when it came to avoiding going to church, the church he stolidly avoided going to was St. Cecil and All Angels, nonsense C. of E., and he wouldn't have dreamed of avoiding going to any other. All the others had the wrong smell-floor polish for the Low, somewhat suspicious incense for the High. Deep in the leather armchair of his soul, Mr. Young knew that God got embarrassed at that sort of thing.

But he liked seeing nuns around, in the same way that he liked seeing the Salvation Army. It made you feel that it was all *all right*, that people somewhere were keeping the world on its axis.

This was his first experience of the Chattering Order of Saint Beryl, however. [Saint Beryl Articulus of Cracow, reputed to have been martyred in the middle of the fifth century. According to legend, Beryl was a young woman who was betrothed against her will to a pagan, Prince Casimir. On their wedding night she prayed to the Lord to intercede, vaguely expecting a miraculous beard to appear, and she had in fact already laid in a small ivory-handled razor, suitable for ladies, against this very eventuality; instead the Lord granted Beryl the miraculous ability to chatter continually about whatever was on her mind, however inconsequential, without pause for breath or food.

According to one version of the legend, Beryl was strangled by Prince Casimir three weeks after the wedding, with their marriage still unconsummated. She died a virgin and a martyr, chattering to the end.

According to another version of the legend, Casimir bought himself a set of ear-plugs, and she died in bed, with him, at the age of sixty-two.

The Chattering Order of Saint Beryl is under a vow to emulate Saint Beryl at all times, except on Tuesday afternoons, for half an hour, when the nuns are permitted to shut up, and, if they wish, to play table tennis.]

Deirdre had run across them while being involved in one of her causes, possibly the one involving lots of unpleasant South Americans fighting other unpleasant South Americans and the priests egging them on instead of getting on with proper priestly concerns, like organizing the church cleaning rota.

The point was, nuns should be quiet. They were the right shape for it, like those pointy things you got in those chambers Mr. Young was vaguely aware your hi-fi got tested in. They shouldn't be, well, chattering all the time.

He filled his pipe with tobacco-well, they called it tobacco, it wasn't what he thought of as tobacco, it wasn't the tobacco you used to get -and wondered reflectively what would happen if you asked a nun where the Gents was. Probably the Pope sent you a sharp note or something. He shifted his position awkwardly, and glanced at his watch.

One thing, though: At least the nuns had put their foot down about him being present at the birth. Deirdre had been all for it. She'd been *reading* things again. One kid already and suddenly she's declaring that this confinement was going to be the most joyous and sharing experience two human beings could have. That's what came of letting her order her own newspapers. Mr. Young distrusted papers whose inner pages had names like "Lifestyle" or "Options."

Well, he hadn't got anything against joyous sharing experiences. Joyous sharing experiences were fine by him. The world probably needed more joyous sharing experiences. But he had made it abundantly clear that this was one joyous sharing experience Deirdre could have by herself.

And the nuns had agreed. They saw no reason for the father to be involved in the proceedings. When you thought about it, Mr. Young mused, they probably saw no reason why the father should be involved *anywhere*.

He finished thumbing the so-called tobacco into the pipe and glared at the little sign on the wall of the waiting room that said that, for his own comfort, he would not smoke. For his own comfort, he decided, he'd go and stand in the porch. If there was a discreet shrubbery for his own comfort out there, so much the better.

He wandered down the empty corridors and found a doorway that led out onto a rain-swept courtyard full of righteous dustbins.

He shivered, and cupped his hands to light his pipe.

It happened to them at a certain age, wives. Twenty-five blameless years, then suddenly they were going off and doing these robotic exercises in pink socks with the feet cut out and they started blaming you for never having had to work for a living. It was hormones, or something.

A large black car skidded to a halt by the dustbins. A young man in dark glasses leaped out into the drizzle holding what looked like a carrycot and snaked toward the entrance.

Mr. Young took his pipe out of his mouth. "You've left your lights on," he said helpfully.

The man gave him the blank look of someone to whom lights are the least of his worries, and waved a hand vaguely toward the Bentley. The lights went out.

"That's handy," said Mr. Young. "Infra-red, is it?"

He was mildly surprised to see that the man did not appear to be wet. And that the carrycot appeared to be occupied.

"Has it started yet?" said the man.

Mr. Young felt vaguely proud to be so instantly recognizable as a parent.

"Yes," he said. "They made me go out," he added thankfully.

"Already? Any idea how long we've got?"

We, Mr. Young noted. Obviously a doctor with views about co-parenting.

"I think we were, er, getting on with it," said Mr. Young.

"What room is she in?" said the man hurriedly.

"We're in Room Three," said Mr. Young. He patted his pockets, and found the battered packet which, in accord with tradition, he had brought with him.

"Would we care to share a joyous cigar experience?" he said.

But the man had gone.

Mr. Young carefully replaced the packet and looked reflectively at his pipe. Always in a rush, these doctors. Working all the hours God sent.

- - -

There's a trick they do with one pea and three cups which is very hard to follow, and something like it, for greater stakes than a handful of loose change, is about to take place.

The text will be slowed down to allow the sleight of hand to be followed.

Mrs. Deirdre Young is giving birth in Delivery Room Three. She is having a golden-haired male baby we will call Baby A.

The wife of the American Cultural Attaché, Mrs. Harriet bowling, is giving birth in Delivery Room Four. She is having a golden-haired male baby we will call Baby B.

Sister Mary Loquacious has been a devout Satanist since birth. She went to Sabbath School as a child and won black stars for handwriting and liver. When she was told to join the Chattering Order she went obediently, having a natural talent in that direction and, in any case, knowing that she would be among friends. She would be quite bright, if she was ever put in a position to find out, but long ago found that being a scatterbrain, as she'd put it, gave you an easier journey through life. Currently she is being handed a golden-haired male baby we will call the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit, Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness.

Watch carefully. Round and round they go

"Is that him?" said Sister Mary, staring at the baby. "Only I'd expected funny eyes. Red, or green. Or teeny-weensy little hoofikins. Or a widdle tail." She turned him around as she spoke. No horns either. The Devil's child looked ominously normal.

"Yes, that's him," said Crowley.

"Fancy me holding the Antichrist," said Sister Mary. "And bathing the Antichrist. And counting his little toesy-wosies . . ."

She was now addressing the child directly, lost in some world of her own. Crowley waved a hand in front of her wimple. "Hallo? Hallo? Sister Mary?"

"Sorry, sir. He is a little sweetheart, though. Does he look like his daddy? I bet he does. Does he look like his daddywaddykins . . ."

"No," said Crowley firmly. "And now I should get up to the delivery rooms, if I were you."

"Will he remember me when he grows up, do you think?" said Sister Mary wistfully, sidling slowly down the corridor.

"Pray that he doesn't," said Crowley, and fled.

Sister Mary headed through the nighttime hospital with the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit, Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness safely in her arms. She found a bassinet and laid him down in it.

He gurgled. She gave him a tickle.

A matronly head appeared around a door. It said, "Sister Mary, what are you doing here? Shouldn't you be on duty in Room Four?"

"Master Crowley said-"

"Just glide along, there's a good nun. Have you seen the husband anywhere? He's not in the waiting room."

"I've only seen Master Crowley, and he told me-"

"I'm sure he did," said Sister Grace Voluble firmly. "I suppose I'd better go and look for the wretched man. Come in and keep an eye on her, will you? She's a bit woozy but the baby's fine." Sister Grace paused. "Why are you winking? Is there something wrong with your eye?"

"You know!" Sister Mary hissed archly. "The babies. The exchange-"

"Of course, of course. In good time. But we can't have the father wandering around, can we?" said Sister Grace. "No telling what he might see. So just wait here and mind the baby, there's a dear."

She sailed off down the polished corridor. Sister Mary, wheeling her bassinet, entered the delivery room.

Mrs. Young was more than woozy. She was fast asleep, with the look of determined self-satisfaction of someone who knows that other people are going to have to do the running around for once. Baby A was asleep beside her, weighed and nametagged. Sister Mary, who had been brought up to be helpful, removed the nametag, copied it out, and Attachéd the duplicate to the baby in her care.

The babies looked similar, both being small, blotchy, and looking sort of, though not really, like Winston Churchill.

Now, thought Sister Mary, I could do with a nice cup of tea.

Most of the members of the convent were old-fashioned Satanists, like their parents and grandparents before them. They'd been brought up to it and weren't, when you got right down to it, particularly evil. Human beings mostly aren't. They just get carried away by new ideas, like dressing up in jackboots and shooting people, or dressing up in white sheets and lynching people, or dressing up in tie-dye jeans and playing guitars at people. Offer people a new creed with a costume and their hearts and minds will follow. Anyway, being brought up as a Satanist tended to take the edge off it. It was something you did on Saturday nights. And the rest of the time you simply got on with life as best you could, just like everyone else. Besides, Sister Mary was a nurse and nurses, whatever their creed, are primarily nurses, which had a lot to do with wearing your watch upside down, keeping calm in emergencies, and dying for a cup of tea. She hoped someone would come soon; she'd done the important bit, now she wanted her tea.

It may help to understand human affairs to be clear that most of the great triumphs and tragedies of history are caused, not by people being fundamentally good or fundamentally bad, but by people being fundamentally people.

There was a knock at the door. She opened it.

"Has it happened yet?" asked Mr. Young. "I'm the father. The husband. Whatever. Both."

Sister Mary had expected the American Cultural Attaché to look like Blake Carrington or J. R. Ewing. Mr. Young didn't look like any American she'd ever seen on television, except possibly for the avuncular sheriff in the better class of murder mystery. [With a little old lady as the sleuth, and no car chases unless they're done

very slowly.] He was something of a disappointment. She didn't think much of his cardigan, either.

She swallowed her disappointment. "Oooh, yes," she said. "Congratulations. Your lady wife's asleep, poor pet."

Mr. Young looked over her shoulder. "Twins?" he said. He reached for his pipe. He stopped reaching for his pipe. He reached for it again. "Twins? No one said anything about twins."

"Oh, not" said Sister Mary hurriedly. "This one's yours. The other one's . . . er . . . someone else's. Just looking after him till Sister Grace gets back. No," she reiterated, pointing to the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit, Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness, "this one's definitely yours. From the top of his head to the tips of his hoofywoofies-which he hasn't got," she added hastily.

Mr. Young peered down.

"Ah, yes," he said doubtfully. "He looks like my side of the family. All, er, present and correct, is he?"

"Oh, yes," said Sister Mary. "He's a very normal child," she added. "Very, very normal."

There was a pause. They stared at the sleeping baby.

"You don't have much of an accent," said Sister Mary. "Have you been over here long?"

"About ten years," said Mr. Young, mildly puzzled. "The job moved, you see, and I had to move with it."

"It must be a very exciting job, I've always thought," said Sister Mary. Mr. Young looked gratified. Not everyone appreciated the more stimulating aspects of cost accountancy.

"I expect it was very different where you were before," Sister Mary went on.

"I suppose so," said Mr. Young, who'd never really thought about it. Luton, as far as he could remember, was pretty much like Tadfield. The same sort of hedges between your house and the railway station. The same sort of people.

"Taller buildings, for one thing," said Sister Mary, desperately.

Mr. Young stared at her. The only one he could think of was the Alliance and Leicester offices.

"And I expect you go to a lot of garden parties," said the nun.

Ah. He was on firmer ground here. Deirdre was very keen on that sort of thing.

"Lots," he said, with feeling. "Deirdre makes jam for them, you know. And I normally have to help with the White Elephant."

This was an aspect of Buckingham Palace society that had never occurred to Sister Mary, although the pachyderm fitted right in.

"I expect they're the tribute," she said. "I read where these foreign potentates give her all sorts of things."

"I'm sorry?"

"I'm a big fan of the Royal Family, you know."

"Oh, so am I," said Mr. Young, leaping gratefully onto this new ice floe in the bewildering stream of consciousness. Yes, you knew where you were with the

Royals. The proper ones, of course, who pulled their weight in the hand-waving and bridge-opening department. Not the ones who went to discos all night long and were sick all over the paparazzi. [It is possibly worth mentioning at this point that Mr. Young thought that paparazzi was a kind of Italian linoleum.]

"That's nice," said Sister Mary. "I thought you people weren't too keen on them, what with revolting and throwing all those tea-sets into the river."

She chattered on, encouraged by the Order's instruction that members should always say what was on their minds. Mr. Young was out of his depth, and too tired now to worry about it very much. The religious life probably made people a little odd. He wished Mrs. Young would wake up. Then one of the words in Sister Mary's wittering struck a hopeful chord in his mind.

"Would there be any possibility of me possibly being able to have a cup of tea, perhaps?" he ventured.

"Oh my," said Sister Mary, her hand flying to her mouth, "whatever am I thinking of?"

Mr. Young made no comment.

"I'll see to it right away," she said. "Are you sure you don't want coffee, though? There's one of those vendible machines on the next floor."

"Tea, please," said Mr. Young.

"My word, you really *have* gone native, haven't you," said Sister Mary gaily, as she bustled out.

Mr. Young, left alone with one sleeping wife and two sleeping babies, sagged onto a chair. Yes, it must be all that getting up early and kneeling and so on. Good people, of course, but not entirely compost mentis. He'd seen a Ken Russell film once. There had been nuns in it. There didn't seem to be any of that sort of thing going on, but no smoke without fire and so on . . .

He sighed.

It was then that Baby A awoke, and settled down to a really good wail.

Mr. Young hadn't had to quiet a screaming baby for years. He'd never been much good at it to start with. He'd always respected Sir Winston Churchill, and patting small versions of him on the bottom had always seemed ungracious.

"Welcome to the world," he said wearily. "You get used to it after a while."

The baby shut its mouth and glared at him as if he were a recalcitrant general.

Sister Mary chose that moment to come in with the tea. Satanist or not, she'd also found a plate and arranged some iced biscuits on it. They were the sort you only ever get at the bottom of certain teatime assortments. Mr. Young's was the same pink as a surgical appliance, and had a snowman picked out on it in white icing.

"I don't expect you normally have these," she said. "They're what you call cookies. We call them *biscuits*."

Mr. Young had just opened his mouth to explain that, yes, so did he, and so did people even in Luton, when another nun rushed in, breathless.

She looked at Sister Mary, realized that Mr. Young had never seen the inside of a pentagram, and confined herself to pointing at Baby A and winking.

Sister Mary nodded and winked back.

The nun wheeled the baby out.

As methods of human communication go, a wink is quite versatile. You can say a lot with a wink.

For example, the new nun's wink said:

Where the Hell have you been? Baby B has been born, we're ready to make the switch, and here's you in the wrong room with the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit. Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness, drinking tea. Do you realize I've nearly been shot?

And, as far as she was concerned, Sister Mary's answering wink meant:

Here's the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit, Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness, and I can't talk now because there's this outsider here.

Whereas Sister Mary, on the other hand, had thought that the orderly's wink was more on the lines of:

Well done, Sister Mary-switched over the babies all by herself. Now indicate to me the superfluous child and I shall remove it and let you get on with your tea with his Royal Excellency the American Culture.

And therefore her own wink had meant:

There you go, dearie; that's Baby B, now take him away and leave me to chat to his Excellency. I've always wanted to ask him why they have those tall buildings with all the mirrors on them.

The subtleties of all this were quite lost on Mr. Young, who was extremely embarrassed at all this clandestine affection and was thinking: That Mr. Russell, he knew what he was talking about, and no mistake.

Sister Mary's error might have been noticed by the other nun had not she herself been severely rattled by the Secret Service men in Mrs. Dowling's room, who kept looking at her with growing unease. This was because they had been trained to react in a certain way to people in long flowing robes and long flowing headdresses, and were currently suffering from a conflict of signals. Humans suffering from a conflict of signals aren't the best people to be holding guns, especially when they've just witnessed a natural childbirth, which definitely looked an un-American way of bringing new citizens into the world. Also, they'd heard that there were missals in the building.

Mrs. Young stirred.

"Have you picked a name for him yet?" said Sister Mary archly.

"Hmm?" said Mr. Young. "Oh. No, not really. If it was a girl it would have been Lucinda after my mother. Or Germaine. That was Deirdre's choice."

"Wormwood's a nice name," said the nun, remembering her classics. "Or Damien. Damien's very popular."

* * *

Anathema Device-her mother, who was not a great student of religious matters, happened to read the word one day and thought it was a lovely name for a girl-was eight and a half years old, and she was reading The Book, under the bedclothes, with a torch.

Other children learned to read on basic primers with colored pictures of apples, balls, cockroaches, and so forth. Not the Device family. Anathema had learned to read from *The Book*.

It didn't have any apples and balls in it. It did have a rather good eighteenth-century woodcut of Agnes Nutter being burned at the stake and looking rather cheerful about it.

The first word she could recognize was nice. Very few people at the age of eight and a half know that *nice* also means "scrupulously exact," but Anathema was one of them.

The second word was *accurate*.

The first sentence she had ever read out loud was:

"I tell ye thif, and I charge ye with my wordes. Four shalle ryde, and Four shalle alfo ryde, and Three sharl ryde the Skye as twixt, and Wonne shal ryde in flames; and theyr shall be no stopping themme: not fish, nor rayne, nor rode, neither Deville nor Angel. And ye shalle be theyr alfo, Anathema."

Anathema liked to read about herself.

(There were books which caring parents who read the right Sunday papers could purchase with their children's names printed in as the heroine or hero. This was meant to interest the child in the book. In Anathema's case, it wasn't only *her* in *The Book*-and it had been spot on so far -but her parents, and her grandparents, and everyone, back to the seventeenth century. She was too young and too self-centered at this point to attach any importance to the fact that there was no mention made of her children, or indeed, any events in her future further away than eleven years' time. When you're eight and a half, eleven years is a lifetime, and of course, if you believed *The Book*, it would be.)

She was a bright child, with a pale face, and black eyes and hair. As a rule she tended to make people feel uncomfortable, a family trait she had inherited, along with being more psychic than was good for her, from her great-great-great-great-great grandmother.

She was precocious, and self-possessed. The only thing about Anathema her teachers ever had the nerve to upbraid her for was her spelling, which was not so much appalling as 300 years too late.

- - -

The nuns took Baby A and swapped it with Baby B under the noses of the Attachés wife and the Secret Service men, by the cunning expedient of wheeling one baby away ("to be weighed, love, got to do that, it's the law") and wheeling another baby back, a little later.

The Cultural Attaché himself, Thaddeus J. Dowling, had been called back to Washington in a hurry a few days earlier, but he had been on the phone to Mrs. Dowling throughout the birth experience, helping her with her breathing.

It didn't help that he had been talking on the other line to his investment counselor. At one point he'd been forced to put her on hold for twenty minutes.

But that was okay.

Having a baby is the single most joyous co-experience that two human beings can share, and he wasn't going to miss a second of it.

He'd got one of the Secret Service men to videotape it for him.

- - -

Evil in general does not sleep, and therefore doesn't see why anyone else should. But Crowley liked sleep, it was one of the pleasures of the world. Especially after a heavy meal. He'd slept right through most of the nineteenth century, for example. Not because he needed to, simply because he enjoyed it.

[Although he did have to get up in 1832 to go to the lavatory.]

One of the pleasures of the world. Well, he'd better start really enjoying them now, while there was still time.

The Bentley roared through the night, heading east.

Of course, he was all in favor of Armageddon in *general* terms. If anyone had asked him why he'd been spending centuries tinkering in the affairs of mankind he'd have said, "Oh, in order to bring about Armageddon and the triumph of Hell." But it was one thing to work to bring it about, and quite another for it to actually happen.

Crowley had always known that he would be around when the world ended, because he was immortal and wouldn't have any alternative. But he'd hoped it would be a long way off.

Because he rather liked people. It was a major failing in a demon.

Oh, he did his best to make their short lives miserable, because that was his job, but nothing he could think up was half as bad as the stuff they thought up themselves. They seemed to have a talent for it. It was built into the design, somehow. They were born into a world that was against them in a thousand little ways, and then devoted most of their energies to making it worse. Over the years Crowley had found it increasingly difficult to find anything demonic to do which showed up against the natural background of generalized nastiness. There had been times, over the past millennium, when he'd felt like sending a message back Below saying, Look, we may as well give up right now, we might as well shut down Dis and Pandemonium and everywhere and move up here, there's nothing we can do to them that they don't do themselves and they do things we've never even thought of, often involving electrodes. They've got what we lack. They've got *imagination*. And electricity, of course.

One of them had written it, hadn't he . . . "Hell is empty, and all the devils are here."

Crowley had got a commendation for the Spanish Inquisition. He *had* been in Spain then, mainly hanging around cantinas in the nicer parts, and hadn't even known about it until the commendation arrived. He'd gone to have a look, and had come back and got drunk for a week.

That Hieronymous Bosch. What a weirdo.

And just when you'd think they were more malignant than ever Hell could be, they could occasionally show more grace than Heaven ever dreamed of. Often the same individual was involved. It was this free-will thing, of course. It was a bugger.

Aziraphale had tried to explain it to him once. The whole point, he'd said-this was somewhere around 1020, when they'd first reached their little Arrangement-

the whole point was that when a human was good or bad it was because they wanted to be. Whereas people like Crowley and, of course, himself, were set in their ways right from the start. People couldn't become truly holy, he said, unless they also had the opportunity to be definitively wicked.

Crowley had thought about this for some time and, around about 1023, had said, Hang on, that only works, right, if you start everyone off equal, okay? You can't start someone off in a muddy shack in the middle of a war zone and expect them to do as well as someone born in a -castle.

Ah, Aziraphale had said, that's the good bit. The lower you start, the more opportunities you have.

Crowley had said, That's lunatic.

No, said Aziraphale, it's ineffable.

Aziraphale. The Enemy, of course. But an enemy for six thousand years now, which made him a sort of friend.

Crowley reached down and picked up the car phone.

Being a demon, of course, was supposed to mean you had no free will. But you couldn't hang around humans for very long without learning a thing or two.

- - -

Mr. Young had not been too keen on Damien, or Wormwood. Or any of Sister Mary Loquacious' other suggestions, which had covered half of Hell, and most of the Golden Years of Hollywood.

"Well," she said finally, a little hurt, "I don't think there's anything wrong with Errol. Or Cary. Very nice American names, both of them."

"I had fancied something more, well, traditional," explained Mr. Young. "We've always gone in for good simple names in our family."

Sister Mary beamed. "That's right. The old names are always the best, if you ask me."

"A decent English name, like people had in the Bible," said Mr. Young. "Matthew, Mark, Luke, or John," he said, speculatively. Sister Mary winced. "Only they've never struck me as very good Bible names, really," Mr. Young added. "They sound more like cowboys and footballers."

"Saul's nice," said Sister Mary, making the best of it.

"I don't want something too old-fashioned," said Mr. Young.

"Or Cain. Very modern sound, Cain, really," Sister Mary tried.

"Hmm." Mr. Young looked doubtful.

"Or there's always . . . well, there's always Adam," said Sister Mary. That should be safe enough, she thought.

"Adam?" said Mr. Young.

- - -

It would be nice to think that the Satanist Nuns had the surplus baby-Baby B-discreetly adopted.

That he grew to be a normal, happy, laughing child, active and exuberant; and after that, grew further to become a normal, fairly contented adult.

And perhaps that's what happened.

Let your mind dwell on his junior school prize for spelling; his unremarkable although quite pleasant time at university; his job in the payroll department of the Tadfield and Norton Building Society; his lovely wife. Possibly you would like to imagine some children, and a hobby—restoring vintage motorcycles, perhaps, or breeding tropical fish.

You don't want to know what could have happened to Baby B.

We like your version better, anyway.

He probably wins prizes for his tropical fish.

- - -

In a small house in Dorking, Surrey, a light was on in a bedroom window.

Newton Pulsifer was twelve, and thin, and bespectacled, and he should have been in bed hours ago.

His mother, though, was convinced of her child's genius, and let him stay up past his bedtime to do his "experiments."

His current experiment was changing a plug on an ancient Bakelite radio his mother had given him to play with. He sat at what he proudly called his "work-top," a battered old table covered in curls of wire, batteries, little light bulbs, and a homemade crystal set that had never worked. He hadn't managed to get the Bakelite radio working yet either, but then again, he never seemed able to get that far.

Three slightly crooked model airplanes hung on cotton cords from his bedroom ceiling. Even a casual observer could have seen that they were made by someone who was both painstaking and very careful, and also no good at making model airplanes. He was hopelessly proud of all of them, even the Spitfire, where he'd made rather a mess of the wings.

He pushed his glasses back up the bridge of his nose, squinted down at the plug, and put down the screwdriver.

He had high hopes for it this time; he had followed all the instructions on plug-changing on page five of the *Boy's Own Book of Practical Electronics, Including A Hundred and One Safe and Educational Things to Do With Electricity*. He had Attached the correct color-coded wires to the correct pins; he'd checked that it was the right amperage fuse; he'd screwed it all back together. So far, no problems.

He plugged it in to the socket. Then he switched the socket on.

Every light in the house went out.

Newton beamed with pride. He was getting better. Last time he'd done it he'd blacked out the whole of Dorking, and a man from the Electric had come over and had a word with his mum.

He had a burning and totally unrequited passion for things electrical. They had a computer at school, and half a dozen studious children stayed on after school doing things with punched cards. When the teacher in charge of the computer had finally acceded to Newton's pleas to be allowed to join them, Newton had only ever got to feed one little card into the machine. It had chewed it up and choked fatally on it.

Newton was certain that the future was in computers, and when the future arrived he'd be ready, in the forefront of the new technology.

The future had its own ideas on this. It was all in The Book.

- - -

Adam, thought Mr. Young. He tried saying it, to see how it sounded. "Adam." Hmm . . .

He stared down at the golden curls of the Adversary, Destroyer of Kings, Angel of the Bottomless Pit, Great Beast that is called Dragon, Prince of This World, Father of Lies, Spawn of Satan, and Lord of Darkness.

"You know," he concluded, after a while, "I think he actually looks like an Adam."

- - -

It had not been a dark and stormy night.

The dark and stormy night occurred two days later, about four hours after both Mrs. Dowling and Mrs. Young and their respective babies had left the building. It was a particularly dark and stormy night, and just after midnight, as the storm reached its height, a bolt of lightning struck the Convent of the Chattering Order, setting fire to the roof of the vestry.

No one was badly hurt by the fire, but it went on for some hours, doing a fair amount of damage in the process.

The instigator of the fire lurked on a nearby hilltop and watched the blaze. He was tall, thin, and a Duke of Hell. It was the last thing that needed to be done before his return to the nether regions, and he had done it.

He could safely leave the rest to Crowley.

Hastur went home.

- - -

Technically Aziraphale was a Principality, but people made jokes about that these days.

On the whole, neither he nor Crowley would have chosen each other's company, but they were both men, or at least men-shaped creatures, of the world, and the Arrangement had worked to their advantage all this time. Besides, you grew accustomed to the only other face that had been around more or less consistently for six millennia.

The Arrangement was very simple, so simple in fact that it didn't really deserve the capital letter, which it had got for simply being in existence for so long. It was the sort of sensible arrangement that many isolated agents, working in awkward conditions a long way from their superiors, reach with their opposite number when they realize that they have more in common with their immediate opponents than their remote allies. It meant a tacit non-interference in certain of each other's activities. It made certain that while neither really won, also neither really lost, and both were able to demonstrate to their masters the great strides they were making against a cunning and well-informed adversary.

It meant that Crowley had been allowed to develop Manchester, while Aziraphale had a free hand in the whole of Shropshire. Crowley took Glasgow, Aziraphale had Edinburgh (neither claimed any responsibility for Milton Keynes, [Note for Americans and other aliens: Milton Keynes is a new city approximately halfway between London and Birmingham. It was built to be modern, efficient, healthy, and, all in all, a pleasant place to live. Many Britons find this amusing.] but both reported it as a success).

And then, of course, it had seemed even natural that they should, as it were, hold the fort for one another whenever common sense dictated. Both were of angel stock, after all. If one was going to Hull for a quick temptation, it made sense to nip across the city and carry out a standard brief moment of divine ecstasy. It'd get done *anyway*, and being sensible about it gave everyone more free time and cut down on expenses.

Aziraphale felt the occasional pang of guilt about this, but centuries of association with humanity was having the same effect on him as it was on Crowley, except in the other direction.

Besides, the Authorities didn't seem to care much who did anything, so long as it got done.

Currently, what Aziraphale was doing was standing with Crowley by the duck pond in St. James' Park. They were feeding the ducks.

The ducks in St. James' Park are so used to being fed bread by secret agents meeting clandestinely that they have developed their own Pavlovian reaction. Put a St. James' Park duck in a laboratory cage and show it a picture of two men—one usually wearing a coat with a fur collar, the other something somber with a scarf—and it'll look up expectantly. The Russian cultural Attachés black bread is particularly sought after by the more discerning duck, while the head of M19's soggy Hovis with Marmite is relished by the connoisseurs.

Aziraphale tossed a crust to a scruffy-looking drake, which caught it and sank immediately.

The angel turned to Crowley.

"Really, my dear," he murmured.

"Sorry," said Crowley. "I was forgetting myself." The duck bobbed angrily to the surface.

"Of course, we knew something was going on," Aziraphale said. "But one somehow imagines this sort of thing happening in America. They go in for that sort of thing over there."

"It might yet do, at that," said Crowley gloomily. He gazed thoughtfully across the park to the Bentley, the back wheel of which was being industriously clamped.

"Oh, yes. The American diplomat," said the angel. "Rather showy, one feels. As if Armageddon was some sort of cinematographic show that you wish to sell in as many countries as possible."

"*Every* country," said Crowley. "The Earth and all the kingdoms thereof."

Aziraphale tossed the last scrap of bread at the ducks, who went off to pester the Bulgarian naval Attaché and a furtive-looking man in a Cambridge tie, and carefully disposed of the paper bag in a wastepaper bin.

He turned and faced Crowley.

"We'll win, of course," he said.

"You don't want that," said the demon.

"Why not, pray?"

"*Listen*," said Crowley desperately, "how many musicians do you think your side have got, eh? First grade, I mean."

Aziraphale looked taken aback.

"Well, I should think-" he began.

"Two," said Crowley. "Elgar and Liszt. That's *all*. We've got the rest. Beethoven, Brahms, all the Bachs, Mozart, the lot. Can you imagine eternity with Elgar?"

Aziraphale shut his eyes. "All too easily," he groaned.

"That's it, then," said Crowley, with a gleam of triumph. He knew Aziraphale's weak spot all right.

"No more compact discs. No more Albert Hall. No more Proms. No more Glynd-bourne. Just celestial harmonies all day long."

"Ineffable," Aziraphale murmured.

"Like eggs without salt, you said. Which reminds me. No salt, no eggs. No grav-lax with dill sauce. No fascinating little restaurants where they know you. No *Daily Telegraph* crossword. No small antique shops. No bookshops, either. No interesting old editions. No"-Crowley scraped the bottom of Aziraphale's barrel of interests-"Regency silver snuffboxes . . ."

"But after we win life will be better!" croaked the angel.

"But it won't be as interesting. Look, you *know* I'm right. You'd be as happy with a harp as I'd be with a pitchfork."

"You know we don't play harps."

"And we don't use pitchforks. I was being rhetorical."

They stared at one another.

Aziraphale spread his elegantly manicured hands.

"My people are more than happy for it to happen, you know. It's what it's all about, you see. The great final test. Flaming swords, the Four Horsemen, seas of blood, the whole tedious business." He shrugged.

"And then Game Over, Insert Coin?" said Crowley.

"Sometimes I find your methods of expression a little difficult to follow."

"I like the seas as they are. It doesn't have to happen. You don't have to test everything to destruction just to see if you made it right."

Aziraphale shrugged again.

"That's ineffable wisdom for you, I'm afraid." The angel shuddered, and pulled his coat around him.

Gray clouds were piling up over the city.

"Let's go somewhere warm," he said.

"You're asking me?" said Crowley glumly.

They walked in somber silence for a while.

"It's not that I disagree with you," said the angel, as they plodded across the grass. "It's just that I'm not allowed to disobey. You know that."

"Me too," said Crowley.

Aziraphale gave him a sidelong glance. "Oh, come now," he said, "you're a demon, after all."

"Yeah. But my people are only in favor of disobedience in general terms. It's *specific* disobedience they come down on heavily."

"Such as disobedience to themselves?"

"You've got it. You'd be amazed. Or perhaps you wouldn't be. How long do you think we've got?"

Crowley waved a hand at the Bentley, which unlocked its doors.

"The prophecies differ," said Aziraphale, sliding into the passenger seat. "Certainly until the end of the century, although we may expect certain phenomena before then. Most of the prophets of the past millennium were more concerned with scansion than accuracy."

Crowley pointed to the ignition key. It turned.

"What?" he said.

"You know," said the angel helpfully, "'And thee Worlde Unto An Ende Shall Come, in tumpy-tumpy-tumpy One.' Or Two, or Three, or whatever. There aren't many good rhymes for Six, so it's probably a good year to be in."

"And what sort of phenomena?"

"Two-headed calves, signs in the sky, geese flying backwards, showers of fish. That sort of thing. The presence of the Antichrist affects the natural operation of causality."

"Hmm."

Crowley put the Bentley in gear. Then he remembered something. He snapped his fingers.

The wheel clamps disappeared.

"Let's have lunch," he said. "I owe you one from, when was it . . ."

"Paris, 1793," said Aziraphale.

"Oh, yes. The Reign of Terror. Was that one of yours, or one of ours?"

"Wasn't it yours?"

"Can't recall. It was quite a good restaurant, though."

As they drove past an astonished traffic warden his notebook spontaneously combusted, to Crowley's amazement.

"I'm pretty certain I didn't mean to do that," he said.

Aziraphale blushed.

"That was me," he said. "I had always thought that *your* people invented them."

"Did you? We thought they were yours."

Crowley stared at the smoke in the rearview mirror.

"Come on," he said. "Let's do the Ritz."

Crowley had not bothered to book. In his world, table reservations were things that happened to other people.